

А. К У К А Н О В

Дорога к сердцу

Книга, которую мы предлагаем вашему вниманию, принадлежит перу молодого публициста Адольфа Куканова.

Комсомольский работник, журналист по образованию Адольф Куканов много путешествовал и привез из своих поездок ряд интересных наблюдений и впечатлений. Поездки в Китай, Италию, Бельгию, Голландию, Англию дали возможность Адольфу Куканову увидеть жизнь самых разных слоев населения, поразмышлять над судьбами людей. Эти свои размышления он передал в форме путевых дневников, которые мы и публикуем в данной книге.

Р Е П О Р Т А Ж

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО · ТАЛЛИН 1962

Р
К 89

Обложка и иллюстрации
Х. Хийбуса

Фото автора

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

159197

Передо мной лежит груда пестрых проспектов, каталогов, памяток, открыток... Кафедральный собор Антверпена, новый вокзал Рима, церковь Сан-Франческо в Ассизи и монумент «Разрушенный город» Осипа Задкина в Роттердаме... Памятники старины. Один, другой, третий...

А я вспоминаю студента Гуань Цуань-фу из Пекина и веселого парня с другом почтальоном из Ассизи, пионерку Мяо Да из Шанхая и громкоголосых портовых ребяташек Роттердама...

Чудесное чувство испытывает человек, соприкасаясь с древнейшими памятниками старины. Из моего сердца никогда не уйдут минуты первой встречи с Колизеем. Ночной Рим. За спиной — шуршание шин тысяч автомобилей, яркие всполохи реклам, многоязыкий шум улиц. А передо мной — Колизей. Он казался живым. Живой великан, ушедший по пояс в землю истории. И думалось — если притронуться к теплой шершавой стене, можно почувствовать рукопожатие миллионов людей, которых давно нет уже среди нас, но которые оставили на земле величайший памятник своего сердца, ума и рук.

Да, чудесные минуты. И все же, заслоняя все собой, в памяти всплывает такая родная, знакомая, чуть-чуть нескладная фигура гида по Неаполю. Вижу его, как будто он стоит напротив меня. Огромный, в рубашке с засученными рукавами, рыжеволосый, с тяжелой челюстью, и в глазах — смешинки...

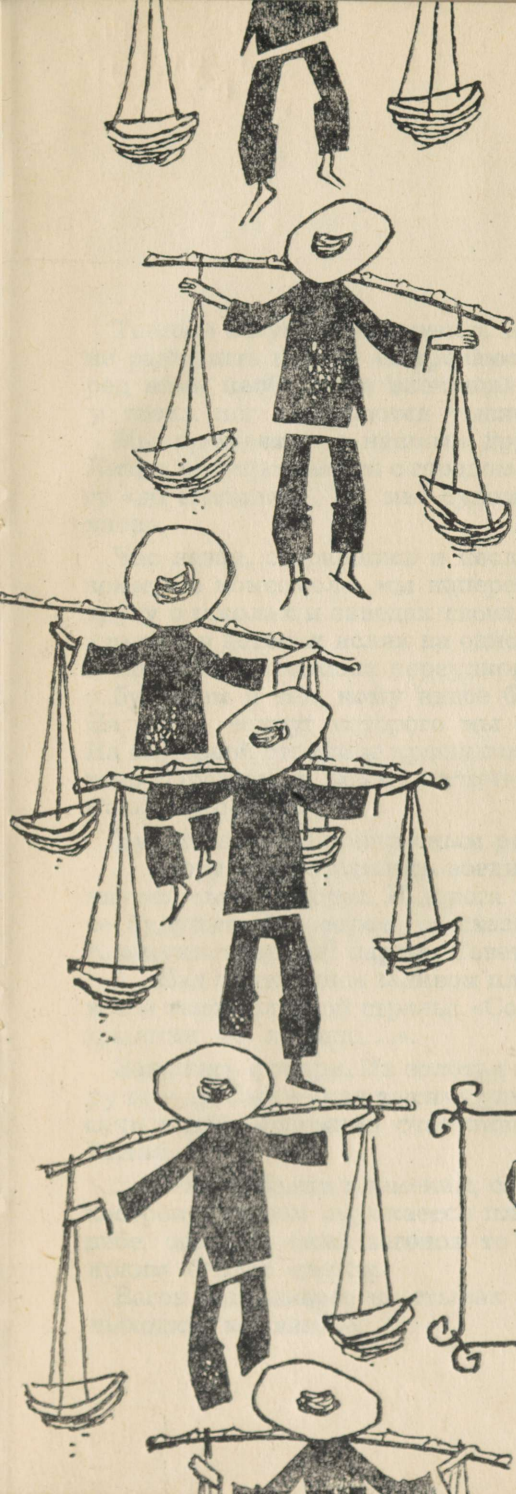
И как мы, туристы, честно говоря, пресыщенные перечислениями всех святых, жадно слушали этого рыжеволосого гиганта! Он говорил нам о жизни, о дружбе, что питают простые люди друг к другу, и о том большом счастье, с которым труженики Италии воспринимают каждую новую весточку о победе страны Советов, стран социалистического лагеря.

Словно и сейчас слышу его хрипловатый бас:

— В этих лачугах из фанеры и ржавого железа, что жмутся к Неаполю со всех сторон, каждый грош на счету... А то и считать нечего... Но мы все же не унываем, боремся за жизнь, которая достойна человека. И теперь над нашими головами не только вот это солнце, наш старый помощник, — оно наливают виноград соками. Теперь над нами — много солнц. Это ваши спутники...

Они рожают в душе надежду на мир и счастливое будущее.

И в тот день глубже, чем когда бы то ни было раньше, я понял — все наши большие и малые поездки за рубеж, тысячи километров по рельсам, через моря и по воздуху — это дороги к сердцам простых людей. И каждый раз, покидая пределы далеких стран, мы привозим с собой самое дорогое, — воспоминания о наших друзьях.

СТАЛЬНОЙ
КИТАЙ

В небе зарево. Оно — словно счастливая песня «встающей на ноги» китайской индустрии.

Новый день истории сорвал искусные англо-американо-японские замки с двери кладовой богатств недр китайской земли.

Очень нетрудно приколоть к спецовке значок, но очень трудно объясниться без переводчика. Да еще поезд дает гудок. Китаец, его лицо вдоль и поперек изрезано морщинами, протягивает на прощанье руку.

И поезд снова набирает скорость.

И когда я сейчас вспоминаю первый день в Китае, эту первую встречу, это лицо, вдоль и поперек изрезанное морщинами, то вместе с Николаем Тихоновым хочется сказать:

— Какой же металл всех ценнее стал
В Китае последних лет?

— Люди Китая — ценнейший металл,
Дороже металла нет!

«МАНЬХУА»

Ранним холодным утром мы отправились в гости к китайским сатирикам. Такси бежит по пекинским улицам. Их истоки теряются в красноземе окрестных полей. Высокие стены ограждают слева и справа окраинные улицы, хранят тайны домов. А там, за стенами из сухой глины, белоствольные сосны, роняющие хвою на красноватые черепичные крыши домов. Звонкие стайки ребятишек в стеганых ватниках, словно обрызганных алыми цветами, доносят до нас ритм жизни Пекина, сердца великого Китая.

Раздавшись в несколько раз, смыв высокие стены, улицы, наполненные до краев темно-синим людским потоком (мужчины и женщины в синих куртках и брюках) сливаются воедино, образуя в центре города гигантское море — Тяньаньмынь — (Красная площадь). Здесь с беломраморной террасы пурпурного дворца руководителя правительства и партии в мае и октябре приветствуют китайский народ.

Рядом с площадью Тяньаньмынь, спрятавшись под грибами тысяч крыш, кипит одна из самых веселых пекинских улиц — Ванфуцзин. А посередине этой улицы, почти напротив нового универмага, где десятки газетчи-

ков на десятки ладов, подобно мороженщикам московских вокзалов, «расхваливают» газеты, стоит белое здание, отделенное от потока велорикш, автобусов и троллейбусов невысоким каменным забором. Оно принадлежит ассоциации работников литературы и искусства и в нем расположена редакция китайского «Крокодила», журнала «Маньхуа», что в переводе на русский язык означает «Карикатура».

Дружеская беседа проходила в светлой комнате с широким окном.

Солнечные лучи, прорвавшись, наконец, сквозь холодную дымку; что паутиной затянула пекинские улицы, блещут на белой штукатурке стен, наполняют светом лепестки лотоса на старой акварели.

Речь зашла о небывалом и новом движении в истории китайского изобразительного искусства — о массовом художественном творчестве рабочих и крестьян.

— Делают кисти из щетины, нужна красная краска — натирают кирпич, нет зеленой — выдавливают сок из стеблей растений и расписывают стены домов, каменные заборы улиц, — рассказывает главный редактор журнала Ми Го.

Мы видели эти картины, целые километры окраинных улиц — это сплошное цветистое пано. Здесь и ярко полыхающие доменные печи, и вздыбленный конь — символ трудового подъема, и рисовый сноп, который, подобно спутнику, устремился в космос, чтобы рассказать об успехах крестьян.

— Да, это свидетельствует о большом расцвете активной жизни. Вот, смотрите, — Ми Го подает нам лист бумаги. На нем крестьянин-великан пятью пальцами прорывает пять каналов.

Ми Го, крупный, широкоплечий, откинулся на спинку кресла, затянулся сигаретой и, прищурив глаза, уже рассматривает новые рисунки и свежие письма из плетеной корзиночки, которая лежит на низком столике рядом с горкой кантонских апельсинов.

— Вот молодец, ха-ха-ха! — и Ми Го читает: «Ишак много прочел книг, но ишаком и остался» — это о тех, кто не верил в силу китайского народа. Такие были, но жизнь показала им, на что способен свободный человек. И вот простые крестьяне и рабочие, а они в основном и пишут в журнал, критикуют отсталых. Руками этих

рабочих и крестьян создается великая и благородная страница в истории изобразительного искусства Китая.

... Улица, что шумит рядом, теперь полна солнца. Женщина с зеленой плетеной сумкой спешит в магазин; прядь ее черных, как ночь, волос перехвачена малиновой лентой. Дети идут в школы, через плечо перекинута брезентовая сумка, в руках баночка с тушью. Рикша с белым полотенцем вокруг шеи, привстав на сиденье, с силой нажимает на педали, в его коляске новый трансформатор, похожий на осьминога.

Домохозяйка, школьники, рикша, китайские сатирики — и все это художники, певцы новой жизни.

«ХЕЙ ХО ХЕЙ!»

... В 50 километрах от Пекина придворные предсказатели нашли прекрасную зеленую долину, окруженную безлесными горами, на которые будто наброшен бархат серовато-коричневого цвета. Горная река днем и ночью разносит по долине свои гортанные песни.

Горы, зеленые травы благодатной долины, пересеченной голубой струей студеного потока, — лучше и не придумаешь места для отдыха. Здесь-то и решили императоры Минской династии воздвигнуть свои гробницы.

Со всех концов страны потянулись сюда вереницы людей. Понутив голову, шли они тысячи ли, подгоняемые надсмотрщиками, тащили на плечах огромные пахучие стволы туй из Сычуани, белый, как снег, камень с Тибета.

Чем выше вздымались вверх стены императорских усыпальниц, тем меньше оставалось дней прожить каждому, кого согнали в эту прекрасную долину.

Все тринадцать гробниц, которые возвышаются над долиной Шисаньлин зелеными кудрявыми холмами, хранят под собой не только императоров, их любимых жен и наложниц, но и десятки тысяч крестьян — их уничтожили в день окончания строительства, чтобы навечно сохранить тайну места погребения императоров.

Негодую и ропща, каждую весну горная река, переполненная паводковыми водами, обрушивала всю свою мощь на долину, пытаясь смыть зловецкие курганы.

Но ни одна волна не в силах была докатиться до высоких стен, окружающих безмолвные парки.

И каждую весну крестьяне проклинали небо за опустошенные нивы и разрушенные деревни. . .

Мы стоим на плотине. Она стальной стеной встала на пути горных вод. Зеленые волны бьются о ее коричневое гранитное тело, на котором белым камнем инкрустированы пять иероглифов: «Шисаньлинское водохранилище».

Лин И-тин, генеральный секретарь управления строительством, отвечает на вопросы. Их много. Почти каждый из нас видел кинохронику о строительстве плотины в долине Шисаньлин. Тогда весь котлован был похож на встревоженный муравейник.

— Да, очень много народа, — отвечает Лин И-тин, — сто тысяч человек каждый день. Крестьяне окрестных деревень, рабочие, студенты и школьники Пекина. Даже работники посольств социалистических стран. . .

Снизу, где еще идут заключительные работы, ветер доносит до нас «китайскую дубинушку»: «Хей хо хей». То человек двадцать в ритм песни поднимают и опускают на землю увесистую каменную «бабу». Они трамбуют землю. Мимо них семенящей походкой идут крестьяне, на плечах у них бамбуковые коромысла, к которым привязаны корзины с землей.

— Пока еще трудно, — говорит Лин. — Вынуть 800 тысяч кубометров земли, когда очень мало техники, трудно. Но, знаете, если народ захочет. . . Да, да, вы правильно сказали, он сдвигает горы. Вместо четырех лет мы построили плотину за 160 суток. Мы день и ночь боролись с усталостью, сном, паводком. Самым страшным злом была вода. Что может обогнать воду?

«Мудрый не борется против судьбы», — так думали крестьяне раньше. «Если народ захочет», — так говорит теперь коммунист Лин И-тин.

Мы стоим рядом с Лином, одним из миллионной армии, обуздавшей стихию. И смотрим вдаль, где у гор, которые отсюда кажутся грозowymi тучами, спрятались под куполами деревьев императорские гробницы.

О чем думает генеральный секретарь стройки, поток крестьян, — тех, кто отдали жизнь, построив прекрасные усыпальницы? О чем думает он, молодой ак-

тивист Китая, связавший свою жизнь с Коммунистической партией в семнадцать мальчишеских лет?

Из котлована все еще доносится ритмичная песня и глухие удары. Возможно, также трамбовали землю сотни лет назад, когда строились императорские гробницы. Только тогда под этот глухой мерный припев «Хей хо хей» хоронили тех, кто не выдержал и упал. А сегодня он звучит как трудовой гимн, и мы, прислушиваясь к нему, уже видим землю, напоенную влагой и отблагодарившую человека белым дождем цветущих яблонь.

МЯО ДА И ЛЮ ХУ-ЛАНЬ

В Шанхае на одной из спокойных улиц, где дома отгородились от любопытных взглядов прохожих густой плетенкой молодого бамбука, озаренный лучами мягкого зимнего солнца стоит небольшой белый особняк, который принадлежал раньше кому-то из зарубежных финансовых воротил. Сейчас здесь Дворец пионеров.

Ребятишки, взяв каждого из нас за руку, водят из одной комнаты в другую.

— Вот наша типография. Что здесь печатают? Пожалуйста! — И мы держим в руках продолговатые красные листки — приглашения на новогодний праздник. Вместо Деда Мороза на них — сталевар и крестьянин с большим снопом риса.

В одном из залов все стены увешаны детскими рисунками — словно маляр напоследок потрянул посильнее кистями и обрызгал стены всеми красками, что у него были. Нас подводят к портрету мальчика в спецовке не по росту, на которую выпущен красный галстук.

Пятиклассница Мяо Да, дочь швеи одной из шанхайских фабрик, спрашивает:

— А вы хотите посмотреть наш формовочный цех?

И мы идем через небольшой парк. На нас смотрит высеченная из мрамора девушка из села Юньчжоу, коммунистка Лю Ху-лань, зверски замученная чанкайшистами. Вечно живая, она каждый день встречает здесь, в парке, солнечный рассвет.

В оранжерее среди пальм и аквариумов с золотыми рыбками разложены на цементном полу формовочные

ящички с песком, а рядом стопками уже лежат готовые гаечные ключи.

Маленькая Мяо, одетая во много раз стиранную, но чистую светлую кофточку, держит в руках обыкновенный гаечный ключ.

И кажется, что сейчас, в эту минуту, этим обыкновенным гаечным ключом она открывает дверь в необыкновенный и счастливый мир, о котором мечтала перед казнью китайская Зоя — Лю Ху-лань.

«ПОСРАМЛЕНИЕ» КРАСАВИЦЫ ЧАН Э

Мы стоим над Янцзы, на великолепном новом мосту — стальном гиганте длиной 1670 метров. Он соединил юг и север Китая, объединил небольшие городки Учан, Ханькоу, Ханьян в шумный и молодой Ухань.

Слева и справа по берегу реки, словно уличные фонари, горят рыбацьи костры. И мы вспоминаем Уханьский комбинат, огненную реку металла и озабоченные лица китайских металлургов.

... В комнате для гостей, из окон которой видны красивые четырехэтажные дома рабочего поселка, товарищ Ли, заведующий обслуживающим комитетом комбината, невысокий, худой, с усталым лицом (столько гостей!) и счастливыми глазами (ведь комбинат — мечта и гордость Китая!) рассказывает:

Партия призвала весь китайский народ ускорить темпы и совершить скачок. И люди делают чудеса. Но у нас есть и трудности, — усталое лицо товарища Ли осветила улыбка, — мы никак не можем договориться с рабочими, чтобы они работали не больше восьми часов. Вот, например, Чен, наш молодой бригадир.

О Чене рассказывал старый кадровый рабочий товарищ Фу.

... Старый Фу снял с шеи полотенце, вытер лоб, морщинистую шею и укоризненно покачал головой.

— Снова недоволен, дядюшка Фу? — и Чен ласково хлопнул старика по плечу. Но старый Фу ничего не ответил и пошел к бригаде. Наверное, он думал, что бригадир слишком молод и слишком силен, а потому не знает, как нужно беречь силы, что не спать пять но-

чей — это плохо. И еще он подумал о Цю Цай-кане, металлурге, который очень устал, не уберется и попал под стальной поток.

«... Ладно, ладно, уйду», — недовольно ворчит Чен. Началась плавка, и огненная струя зажгла над комбинатом красное зарево. Задержавшись на минуту, Чен смотрит на сталеваров. Он тоже думает о Цю Цай-кане, который скоро снова встанет в строй.

Через несколько часов, возвращаясь домой, старый рабочий Фу увидел на лесах недостроенного дома своего бывшего ученика, а сейчас бригадира. Чен, распахнув спецовку, спокойно клал кирпич к кирпичу. Словно и не было за плечами пяти бессонных ночей.

... Над крышами учанских домов взошел молодой месяц, по Голубой реке, ставшей теперь почти коричневой, как и тысячи лет назад, скользят джонки, расправив желтые крылья своих парусов. Пройдет год-два, и желтые воды Янцзы, уже скованные красавцем — мостом из аньшаньской стали, понесут на себе огромные отечественные теплоходы, построенные из металла, который плавит весь Китай, который плавят не знающий усталости Чен и его первый учитель старик Фу.

Наш переводчик Гао Шань читает старые стихи о Великой реке. Они начинаются с традиционного обращения к Чан Э — богине Луны.

Пламя домен затмило в поэмах сегодняшнего Китая красавицу Чан Э.

АНЯ

Мы переправляемся на пароме через один из притоков Жемчужной. Медно-красный круг солнца поднимается из-за серой завесы, закрывшей Гуанчжоу (Кантон).

Глядя на спокойные, зеленоватые волны тихо ведет свой рассказ о сегодняшних днях китайской деревни наш гуанчжоуский переводчик — маленькая Чэнь Хуэцюань, или просто Аня.

Русское имя ей подарила преподавательница института, как говорит сама Чэнь, за прилежание. С тех пор даже в официальных документах после ее имени стоит еще добавление — Аня.

... Уже вся река залита горячим серебром, и словно белым шелком задрапирован противоположный берег. Мы жадно всматриваемся вдаль, там — крестьяне, приветливо машущие нам платками.

... В просторном красном уголке деревни Ли Цум (несколько толстых бамбуковых стволов поддерживают крышу, устланную промасленными банановыми листьями), окруженные крестьянами и студентами, которые помогают крестьянам, мы сидим у большого макета. Товарищ Ху, представитель парткома, водит указкой по макету, и каждый из нас словно видит очертания завтрашнего дня одной из многих деревень Китая.

— Здесь будет новый поселок. Первые дома почти готовы, мы сейчас пойдем туда. Здесь пройдут лесозащитные полосы...

Рядом с красным уголком двухэтажный дом, окруженный бамбуком, белым от извести. Внутри однокомнатные и двухкомнатные квартиры. Идешь из одной комнаты в другую и все время чувствуешь — чего-то не хватает. Товарищ Ху смеется:

— Вы ищете кухню, наверное, а ее не будет в таких домах.

— Как не будет?

— Да, не будет. Идемте дальше.

Шагах в ста от первых домов поселка — просторное, выдержанное в традиционном китайском стиле здание, углы крыши высоко подняты вверх.

— Это общественная столовая — десятки личных кухонь, которые вы искали в новых домах. Мы их соединили вместе.

— Ну, а если гости?

— Вы получите здесь любой обед по вкусу и угостите гостя дома.

В старом Китае четыре стены кухни — вот весь «огромный» мир женщины.

Широкая банановая аллея ведет нас к опытному участку, засаженному тростником. Нам навстречу идут две женщины; наверное, мать и дочь. Первая, ей всего лет тридцать пять, еле передвигает ноги, дочь же идет свободно и легко. Женщина — таков закон феодального Китая — это лишь украшение дома. И родился дикий и нелепый обычай: семилетней девочке подворачивают

ступню. Пусть ее нога станет маленькой, изящной. Пусть она не забывает, для чего рождена. Пусть помнит — она украшение и только. А на самом деле на ее плечи ложилось тяжкое бремя домашних забот. И по-пробуй, справься с ними, если ты уже в 20 лет почти инвалид.

Наша маленькая Аня в своей смешной кожаной куртке, в больших очках на маленьком остром носике, рассказывает совсем невеселую историю о прежней судьбе китайской женщины:

— У нас есть сборник сказок «Ляо Чжай чжи и», и вот там говорится, как один человек, Цзэн, прожил недостойную жизнь, он был жестоким к слабым, несправедливым к бедным. И когда он умер, духи погрузили Цзэна в кипящее масло, бросили его с горы на острые копыя, влили ему в глотку расплавленное золото и серебро, которое он украл у бедных. И все же духи решили, что мало наказали Цзэна. Тогда их владыка приговорил Цзэна к суровойшей из кар: повелел ему родиться вторично — женщиной.

Глаза Ани сверкают гневом, румянец зажег бледные щеки. Да, ей куда понятнее великий смысл, заложенный в обыкновенном прозаическом деле — планировке будущей квартиры, где нет места для кухни.

В конце аллеи, где жирные фиолетовые цветы бананов нежатся на жарком солнце, мы осматриваем участок сахарного тростника, который сплошной зеленой стеной закрыл от нас солнце.

Остановив буйвола, запряженного в деревянную соху, и вытерев с лица пот, внимательно рассматривает гостей крестьянин. Отдохнув минуту, он снова положит свои натруженные руки на поручни сохи и, понукая буйвола, пойдет борозду за бороздой.

Вот так же пахали землю и его предки.

Но через несколько дней на общем собрании своей бригады возможно этот же крестьянин будет говорить:

— Я думаю, что Ли за этот месяц изменился. Во-первых, он стал сознательнее, во-вторых, лучше относится к товарищам, потом он учится в школе для взрослых, и, последнее, Ли трудится на совесть. Мне кажется, ему надо повысить разряд и платить больше...

Идет всестороннее обсуждение деловых и политиче-

ских качеств Ли, после чего собрание выносит свое решение.

... Слева и справа улицы деревни Ли Цум, как и все деревенские улицы китайского юга, огорожены высоким кирпичным забором. Он окрашен известкой и разрисован местными художниками. В заборе калитки, за ними крестьянские дома. В одном из них, принадлежавшем раньше помещику, взявшись за руки, водят хоро-вод ребятишки. Они в передничках, на которых вышиты белые голуби. Звонкими голосами, хлопая в ладоши, малыши без устали повторяют: «Здравствуйте, советские тети и дяди!».

Может быть, среди них и дети того крестьянина, который, оторвавшись на минуту от сохи, сегодня утром внимательно рассматривал друзей из Советского Союза.

Налегая на поручни сохи, понукая ленивого, тяжело ступающего буйвола, он больше не качает горестно головой, вспоминая, кому должен. И не холодит его сердце мысль о том, что подрастет дочь и придется отдать ее в наложницы помещику за долги.

Напротив детского сада, за такой же неширокой дверью-калиткой в каменной стене, на низеньких скамеечках сидят седые старики. На широкой лужайке зеленеет трава. Яркое солнце освещает дом. В доме на передней стене портрет Мао Цзэ-дуна и открытки из Советского Союза. Старики, отложив в сторону вязанье и травы, из которых готовят лекарства, аплодируют дорогим гостям сухими морщинистыми руками.

«Да не останутся без присмотра одинокие вдовы и сироты!», — об этом веками мечтали китайцы. И эта мечта сбылась в народном Китае. Старики, которые, не разгибая спины, месили грязь рисовых полей, обожженные жарким тропическим солнцем, тащились за деревянной сохой, обрели покой и заботу в домах для престарелых.

Здесь, в этом чистом доме, залитом ослепительным солнцем, могли родиться стихи Юань Шуй-по:

В прошлом я только знала
Ручную мельницу, колодец,
Кухонную плиту.

А теперь проживу еще
одну жизнь

И в коммунистический «дом счастья»
пойду!

... Мы возвращаемся в город. Аня тихо затягивает:

«Смело, товарищи, в ногу»...

Все подпевают. Крестьяне на дороге, сняв широкие, покрытые банановыми листьями шляпы, приветливо машут нам вслед. Они хорошо знают песню, которую мы поем.

Солнце в зените. Это уже не медь, а расплавленная сталь...

«ЧЕТЫРЕ ЗЛА» И ПИОНЕРЫ

По центральной улице Гуанчжоу движется процессия с барабанами, трещотками и гонгом. Над процессией, мерно колыхаясь, плывут транспаранты, развеваются яркие флажки. У демонстрантов в руках хлопушки для мух. На транспарантах призывы включиться в борьбу против «четырех зол»: мух, комаров, крыс и воробьев (последние уничтожают посеvy риса).

Такие процессии на улицах Китая можно было видеть не так уж давно. Сегодня нигде в стране (одна-две мухи, разумеется, в счет не идут) — будь то пекинский трамвай, или гуанчжоуская харчевня, шанхайский рынок или тяньцзиньский магазин, вы не увидите мух. Уничтожены и остальные три зла.

По субботам и воскресеньям на уханьских улицах, разукрашенных, как и пекинские, широкими полотнищами вывесок, наполненных людским гомоном и звонками велосипедистов, становятся каждый на свой пост пионеры. Мальчишки и девочки в синих куртках и брюках, все в алых галстуках, они стоят слева и справа по улице: словно кто-то красным карандашом очертил ее пунктирной линией.

Вихрастый малыш с белым маленьким рупором в руках с любопытством рассматривает в витрине магазина шкуру тигра. По стеклу витрины плывет отражение бело-голубого кургузого троллейбуса. Любопытные глаза мальчишки моментально насторожились. Он резко поворачивается и бежит к троллейбусной остановке.

Приложив к губам рупор, покраснев от натуги, малыш старательно объясняет пассажирам, что, не толкаясь и строго соблюдая очередь, они гораздо быстрее попадут в троллейбус.

Анатолий Владимирович Музалев, наш представитель «Интуриста», не один раз уже побывавший в Китае, объясняет, что вот так пионеры китайских городов помогают взрослым, что дети дежурят на улице по два часа... Анатолий Владимирович рассказывает интереснейшую историю:

— Шли мы однажды по этой же улице. Рядом с нами шагало несколько пионеров, у одного был барабан, у другого — горн. Из переулка вышел старик, наверное, издалека приехал, из провинции — белая клином борода, черная шапочка, в халате, как ходили раньше. И угораздило этого старика плюнуть на тротуар. Пионеры сразу же к старику:

— Как ваша фамилия?

— Ли, — отвечает он.

Тут один из пионеров очерчивает мелом место, куда плюнул старик, барабанщик бьет, что есть силы в барабан, а горнист самозабвенно дует в свой горн.

Китайцы любопытны не меньше, чем мы с вами. Собираются вокруг виновника, подбегают пионерки, стучат бамбуковыми дощечками и поют: «Товарищ Ли загрязнил тротуар, а разве это хорошо, разве это не помогает мухам?» и так далее и так далее. Прохожие осуждающе качают головой, а товарищ Ли, красный и вспотевший, с ужасом посматривает на белый круг. Потом он говорит, что поступил нехорошо. Все расходится. Ясно, что товарищ Ли больше так не сделает.

Мы смеемся и нечаянно сходим с тротуара. Черноглазая пионерка подходит к нам, смущаясь и розовея, отдает пионерский салют и просит идти по тротуару.

... На жарких гуанчжоуских улицах, где к обычному жизнерадостному шуму всех китайских улиц прибавилось и веселое перестукивание деревянных подошв об асфальт, такие же ребятишки вооружены мухобойками: плетеный кружок на деревянной палочке.

... Пока соседи зазевались, одиннадцатилетний боец санитарного фронта подкрался к мухе, которая села на фонарный столб, ловко взмахнул мухобойкой и — добыл ценный трофей. Вокруг довольного мальчика собралась целая куча ребят, которые, подпрыгивая от радости, пытаются уговорить героя вынуть из спичечного коробка и показать им убитую муху — как-никак, возможно, она последняя на весь Китай.

— Кстати, — вспоминает Музалев, — кажется, один известный американский ученый в свое время сказал, будто общество скоро достигнет такого уровня развития, что терпимое отношение к мухе будет расцениваться как покушение на жизнь человека.

— Если бы Америка не закрывала глаза на Китай, то, наверное, этого гигиениста давно бы вызвали в ФБР и объявили красным, — смеется наш переводчик Гао Шань.

В ГОСТИ К ЮЙФО

Автобус бежит по шанхайским улицам.

Нанкин-лу. Она берет свое начало от знаменитой шанхайской набережной, что подперла низкое зимнее небо серыми громадами зданий бывших банков, а ныне государственных учреждений. Десять лет назад вот так же свободно и просто по этой улице проехать было невозможно: несколько раз приходилось пересаживаться с трамвая на трамвай. Колонизаторы, поделившие эту центральную артерию города между собой, произвольно назначали цену за проездные билеты. Не было даже единого названия улицы, так гостеприимно раскрывшей сейчас двери своих магазинов.

Мимо проплывает знакомый треугольник четырехэтажного здания. «Большим миром» называли его раньше, так же называется он и сейчас. Правда, в прежние годы здесь веселились помещики и торговцы, а бедняки, принуждаемые голодом и безработицей, приходили сюда продавать своих дочерей.

Теперь в «Большом мире» одновременно дают представления несколько театров самых разных традиционных стилей и почти столько же цирковых групп. Всего за 20 фыней (копеек) вы можете по своему выбору посмотреть любую программу или даже несколько. Вспомнилось, как мы смотрели здесь выступление лучшей в Шанхае цирковой труппы «Красный цвет» (красный цвет — самый лучший). В конце представления ведущий программу из минуту назад пустого ящика неожиданно достает гирлянду разноцветных флажков, испсанных иероглифами. Нам переводят: «Мы обязательно освободим остров Тайвань». Обычно сдержанные на по-

хвалу китайцы аплодируют с воодушевлением. Смотрят на нас — лица светлеют: мы тоже аплодируем, мы тоже за то, чтобы на всей китайской земле люди обрели счастье.

Дорогу автобусу преградили малыши: детский сад вышел на прогулку. Ребятишки жуют пряники.

Наш шанхайский переводчик, одетый необычно для китайцев в европейский костюм, просит внимательно посмотреть на детей.

— Видите, они едят пряники... — и объявляет: — Хотите, расскажу историю про лунные пряники? Их у нас едят в канун Нового года. И вот школьники были на практике, помогали рабочим одного из заводов. Рабочие решили подарить ребятам к Новому году такие пряники. В школе получили подарок, обрадовались. А потом подумали: «Ведь мы не заслужили этого». И кто-то предложил: «Давайте передадим подарок металлургам, они сейчас больше всех достойны этой чести».

Металлурги получили подарок и тоже обрадовались, но решили, что большего права получить лунные пряники достойны воины, которые недавно помогали им в работе. Воины очень были рады пряникам, но решили, что самое правильное — отправить их на фучзянский фронт, где их товарищи по оружию пресекают авантюры американских империалистов и Чан Кай-ши.

— Ну, а дальше? — несутся голоса: автобус развеселился. Но лицо переводчика неожиданно посерьезнело.

— Вот смотрите, видите, Дворец китайско-советской дружбы. Этому Дворцу стоять в веках.

Потом мы смотрели нефритового будду, помещенного в древнем храме «Юйфо», уткнувшем в небо остроконечные углы своей крыши (на юге, где влажно и часты грозы, они, кроме всего прочего, служат еще и громоотводами). Вдыхая сладкий дым курящегося сандалового дерева, мы смотрели на голубоокого «Юйфо», выточенного из редкого по величине куска нефрита, смотрели в его чудесные, словно живые, глаза и слушали восхищенный рассказ нашего переводчика.

Но ни разу нам не удалось уловить в его словах той особенной взволнованности, какой-то строгой гордости, которая прозвучала в его фразе: «Этому Дворцу стоять в веках».

Рабочий поселок, каких много сейчас вокруг Шанхая, застроен двухэтажными домами. В комнате одного из этих домиков за столом у раскрытого окна сидят двое: семидесятидвухлетний Ло Фунь-синь, проработавший долгие годы на текстильной фабрике, и студент Чен Син-ю. Они склонились над листами бумаги, испещренной бисерными иероглифами. Старик, одев очки, внимательно читает, что написал о нем студент Чен. Тема работы Чена: «Как жил рабочий старого Китая и как он живет теперь». Старик сокрушенно качает головой в тех местах, где описывается его юность. Вечно в синяках от побоев. И разве можно сравнить сырую фанзу, где всегда вода — солнце ли на небе, или тучи — с этой комнаткой. И старик, оторвавшись от рукописи, смотрит в сад, где, несмотря на декабрь, цветут алые георгины...

У БЕЛОМРАМОРНЫХ КОЛОНН

Перед главным корпусом Пекинского университета, очень похожим на древнюю пагоду, стоят две резные беломраморные колонны — символы долголетия и могущества. Прислонившись к ним спинами, на зеленой траве лужайки сидят студенты. На коленях — учебники. Забыв обо всем на свете, они, как принято говорить, «грызут гранит науки».

Возможно, так же, забыв обо всем на свете, прислонившись спиной к холодному мрамору колонны, сидели студенты лет десять-пятнадцать назад. Но пройдите всего сто шагов по аллее в молодой бамбуковой роще и вы попадете в новый день китайского студенчества.

Вен Сюнь-чен и Вей Цин-хао учатся на факультете русского языка и литературы. Они приехали в Пекин из деревушки в провинции Хубэй. Старательно подыскивая русские слова, то и дело сверяясь со словарем, они говорят, что нужно обязательно побывать на студенческих заводах.

— Студенческих?

— Да. Правда, они совсем небольшие, и мы не можем дать много продукции, но здесь мы учимся быть «красными специалистами».

Идем мимо озера, посредине остров, прямо как у нас в Кадриорге.

— Как называется озеро?

Вен не может точно подобрать слова, от волнения щелкает пальцами.

— Оно без имени пока, мы его создали сами, — по-могает Вэй.

Вот и завод. Одноэтажное небольшое здание, внутри поблескивают синей краской станки. Все 37 заводов, по мнению Вэя, мы не успеем осмотреть. И поэтому идем к наиболее интересному, сталеплавильному.

У доменной печи нас знакомят с самым молодым, наверное, во всем Китае директором. Чжану Сян-си всего 18 лет. Он второкурсник и совершенно официально директор.

— Мы плавим особую сталь, — Чжан не может держаться солидно и серьезно, как подобает директору, лицо то и дело расплывается в самую настоящую мальчишескую улыбку. Он пытается объяснить, что студенты делают специальные опыты, что тут не обойтись без кислорода, что... Но у него, или, вернее у переводчиков, никак не хватает слов. И тогда, махнув рукой, Чжан выпалил по-русски:

— Сложная штука.

К вечеру мы возвращаемся прежней дорогой. Вен рассказывает:

— Вот эти листки в коридоре общежития — и синие, и розовые, все это «Дацзыбао».

— Если переводить на русский язык, то это значит — газета больших иероглифов, — включается в разговор Вэй.

— Мы переняли эту форму обсуждения и критики у рабочих. Теперь «Дацзыбао» всюду: в больницах, на заводах. Мы обсуждаем сейчас, как лучше сочетать физический труд с учебой. Каждый, кто хочет, берет листок, пишет замечания и вывешивает его. А потом все листки обсуждаем на собрании. Подолгу иногда сидим, но зато уж каждое замечание разбираем.

— Я вам расскажу историю одного «Дацзыбао», — уловив момент, начинает один из студентов. — Это произошло на заводе, где я работал летом, в каникулы. Заместитель директора решил, как и все кадровые работники, месяц поработать физически. И пошел в столовую

судомойкой. Через несколько дней в коридоре управления появился листок: надо чище мыть посуду.

Заместитель директора согласился с критикой, и по-суда в нашей столовой сверкала, как солнце. Но вот в коридоре вскоре появился новый листок: «Руководители должны работать физически, чтобы лучше знать душу народа. А чему научится наш заместитель директора у двух старых судомоек? И кому он передаст свой опыт?»

— Ну и что же дальше?

— Дальше было так, что заместитель директора пошел на крупное строительство и работал каменщиком. И, как сам говорил, получил очень много пользы.

... Мы идем мимо студенческих общежитий, мимо стадиона, где ни на минуту не умолкают крики болельщиков, мимо озера, безымянного, но имеющего тысячи имен, так как, видимо, именно здесь назначаются все любовные свидания. Идем мимо водонапорной башни, которую строили сами студенты, взяв за образец, наверное, семярусную пагоду «Лунхуа».

Вечерний ветерок шелестит в листьях молодой бамбуковой рощи, звонкие голоса плывут над озером, в котором отразились последние лучи заходящего солнца и пламя доменной печи.

ГУАНЬ ЦЮАНЬ-ФУ — ОСВОБОЖДЕНИЕ

Над Пекином встает солнце. Голубовато-сиреневый воздух светлеет. Словно весенняя капля летят снизу звонки велосипедистов: просыпается наша спокойная Посольская улица.

Из окна видно, как к гостинице сворачивает голубой сигарообразный «Икарус». Через час едем смотреть Великую китайскую стену.

... Мы сидим в самом конце автобуса. И смотрим в окно. Гуань Цюань-фу тихо поет. Он не может не петь. В окно бьет яркое солнце, сотни солнц танцуют на металлических ручках сидений...

— Смотри! Студенческий город!

Спокойные белые здания с задумчивыми глазницами окон одно за другим проплывают мимо, а вокруг — красновато-желтый ковер распаханной земли. Он раз-

вернулся до самой подошвы гор, еще скрытых золотистым туманом. По этому ковру разбросаны то тут, то там по-зимнему строгие деревья.

Это памятники на могилах предков.

Старики-сосны на полях еще помнят землю, похожую на заплатанное одеяло последнего бедняка: ведь предки покоятся в своей земле, а она зачастую была величиной чуть ли не с носовой платок.

Теперь земля принадлежит народу. И рядом с деревьями-памятниками встали здания новых вузов. Они — тоже памятник.

Эти здания, что проплывают мимо окон автобуса, как и деревья, каждый год цветут, каждый год плодоносят. Они дают Народному Китаю тысячи молодых специалистов.

Один из них — Гуань Цюань-фу, невысокий парень, одетый в темно-синий костюм активиста. Его биография короче листка из блокнота: отец был бедным продавцом, а Гуань стал студентом-комсомольцем. И теперь он «красный специалист», 24-летний коммунист свободного Китая.

Биография Гуаня коротка, если отнять от нее историю дерева на поле, само поле, ставшее владением крестьян, новые индустриальные города.

— Хочешь, я переведу тебе этот лозунг?

По склону гор, которые вплотную придвинулись к дороге, уткнув в небо свои вершины, вилась цепочка белых иероглифов:

«Рано вставать, поздно ложиться, работать напряженно три года, чтобы жить счастливо тысячи лет».

— Сейчас мы все живем этим лозунгом, — продолжает Гуань, — быстрее, лучше, экономнее строить социализм.

Гуань откинулся на спинку кресла, тихо поет, поет про социализм. Эту песню знал уже каждый из нас. Ее пели нам ребяташки в детском саду, пели студенты и рабочие, ее знают в Китае все. Черные глаза Гуаня сейчас торжественны и задумчивы.

Вдали вьется по гребню вершин Великая китайская стена.

А память вдруг вернула нас к первым минутам в Китае.

... Все стоят у окна вагона и напряженно вглядываются в темноту: что там, как там? И вдруг огни, вся степь в огнях. И тяжелый ветер с Хингана никак не может побороть красное зарево над трубами новых заводов.

... — Император знал, что построить Великую стену можно при одном условии: надо погубить 10 тысяч человек... — так начинается наш переводчик Гао Шань одну из многих легенд о строительстве Великой китайской стены.

Суровый ветер с вершин, словно вторя словам Гао, жестоко бьется о стены туристского домика, который прилепился у подножья гор.

Рассказы о Великой стене каждый из нас помнит с детства. Она останется на века памятником трудолюбия китайского народа, памятником его великого мастерства.

Но тысячи легенд расскажут о горе, что приносила она многие века почти в каждую крестьянскую семью. И еще долго будет стоять на земле храм Мын Цзян-ну, которая бросилась в море от безутешной любви к мужу, погибшему на строительстве стены.

Народ Китая поднялся на новый, великий подвиг. О нем рассказывают первые китайские машины и новые рабочие поселки. О нем говорит даже камень — самый твердый на земле камень нефрит, из которого искусные руки старого мастера выточили задорную фигурку пионера.

Памятником этому подвигу станет земля, миллионы му, вспаханные отечественными тракторами, из отечественной стали, сотни плотин, тысячи новых озер-морей.

И тысячи светлых легенд.

И еще о нем рассказывают гордые песни, которые поет наш друг Гуань Цюань-фу.

... Вечером мы прощались с ним, одним из наших добровольных переводчиков. Пепельное покрывало сумерек, словно зацепившись за остроконечную крышу Барабанной башни, за шпиль телемачты, повисло над Пекином. День умирал где-то в конце больших улиц. Затихало тяжелое дыхание заводов и фабрик, словно растаяли в вечернем воздухе крыши дворца Гугуна. А еще через несколько минут темнота целиком погло-

тила Запретный город, будто наполнила до краев огороженный от мира высокой стеной четырехугольник дворцовых построек. И только память может снова провести вас по гулким камням пустынных дворов от Павильона Высшей Гармонии к Павильону Средней Гармонии, где на устремленных ввысь углах крыш заснули майоликовые драконы, а медный журавль удивленно поднял вверх свой длинный клюв, где сухие листья акаций, гонимые ветром по беломраморным террасам, подобно шошудам-сказителям таинственно нашептывают вам старинные легенды...

Как ответить Гуаню, как рассказать ему, что понравилось нам. Мы знаем по-китайски одно слово, которое может помочь: хао — хорошо. И мы говорим Гуаню:

— Домны — хао, заводы — хао, люди — хао, ты — хао!

Гуань смеется.

Последнее рукопожатие. Гуань записывает на клочке бумаги свой адрес — чертит иероглифы.

— Это моя фамилия Гуань Цюань-фу. По русски — Освобождение.

Пекин — Таллин.

Декабрь 1958 — август 1961 года.

"ЭДУАРД
ВИЛЬДЕ" ИДЕТ
НА ЗАПАД

«ДО СВИДАНИЯ!»

Обожженный солнцем Вентспилс. Смотрит на город, на реку Венту, на причалы Ян Фабрициус в длиннополой гранитной шинели.

Взмахами стрел теплоход приветствуют портовые краны. И словно вздрогнули брови на лице легендарного Фабрициуса: «Доброго пути».

Теплоход Эстонского государственного морского пароходства «Эдуард Вильде», приняв на борт тысячу тонн груза, уходит в заграничный рейс. И снова долгий путь по морским просторам, и снова порты далеких стран.

Какие встречи ждут там моряков?

В путь. В путь!

... У входа в Кильский канал высится обелиск, воздвигнутый в память о погибших в мировых войнах. Его не в силах скрыть холодная дымка, окутавшая берега в это мгlistое, сырое утро. Громада обелиска, укутанная у подножья сероватой пеленой, словно повисла над берегом. И казалось, его тень сопровождала нас весь длинный путь по каналу.

... Слева и справа тянутся отлогие берега, кое-где поросшие ольхой. Над каналом — ажурные мосты. Маленькие города спускаются к воде липовыми аллеями. Сквозь листву на канал смотрят любопытными глазами окон маленькие кафе. За окнами люди. Смотрят на медленно тянущиеся вереницы кораблей. Пьют пиво. Наверно говорят, смеются, молчат...

Весьма возможно, в этот час в каких-нибудь ста километрах отсюда маршируют по брусчатке мостовых недобитые реваншисты, увешанные фашистскими крестами. А где-нибудь в курортном городишке оседлал трибуну один из истовых последователей взбесившего-

ся фюрера. И вновь несутся истерические речи и истошные вопли «хайль», колышится знамена со свастиками...

... Люди за окнами кафе пьют пиво. Говорят, смеются, молчат...

Уже вечер. Солнце, набравшись на исходе дня сил, пробивает толщу туч. Косые его лучи обагрят гладь канала. Над нами, тревожно взмахивая крыльями, пролетает косяк уток, а ветер с полей доносит едва уловимый запах свежего сена.

Так и остался бы в памяти этот день, омраченный тенью обелиска жертвам войн, неопределенным и гнетущим: тоскливый клекот улетающих птиц и легкий аромат свежего сена, сырое дыхание осени и яркий багрянец солнца. Да, таким он и запомнился бы, не случись одна встреча.

Судно вошло в шлюз. По набережным прогуливались люди. Временами они останавливались, смотрели на швартующиеся суда, переговаривались. Уже открыты ворота шлюза. Уже теплоход отвалил от пирса... И вдруг нам вдогонку летит такое знакомое, родное:

— До свиданья!

И рука девушки, прокричавшей это приветствие, взметнулась птицей. Еще и еще — поднятые в приветствии руки.

— Счастливый путь!..

Люди приветствуют корабль с красным флагом. С флагом, в верхнем углу которого серп и молот. Один из многих кораблей, стоявших в шлюзе. Корабль из Советского Союза.

И кажется будто солнце не зашло, будто снова согревают нас его лучи.

Короткая встреча... Один возглас... Один миг... Но сколько их на всем многомильном пути...

... Небольшой шведский порт Хельсингборг. Вечер. Только что закончился киносеанс в красном уголке теплохода. На корме затеплились огоньки сигарет: ребята неторопливо перебрасываются замечаниями о фильме.

Зажег свои огни и город. Они словно карабкаются по горбатым улицам на вершину холма, где тает в вечерних сумерках старинный замок. В это время к нам на теплоход поднялся молодой швед. Он пришел в гости с маленького суденышка, которое пришвартовалось метрах в ста от «Эдуарда Вильде».

Встречают его радушно, как встречают многих, проходящих знакомиться с нашим судном, с советскими людьми. Завязывается разговор.

— Матросом служишь? — спрашивает у шведа штурман Вячеслав Ванин.

Гость качает головой.

— Нет. Я капрал.

И показывает золотые лычки на узком рукаве своего черного френча.

— Скоро кончаю службу... Попробую устроиться на работу.

Он какое-то время молчит, потом добавляет:

— Хорошо, когда есть работа, и когда мир и нет войны.

Молодой швед, помнится, его звали Петер, сжимает пальцы в кулаки, и потрясает ими в воздухе:

— Вот две силы в мире. И плохо для всех, если Америка и Советский Союз будут жить так. — Он ударяет кулаком об кулак. — Вам надо жить вот так. — И швед соединяет свои руки в пожатье. — Тогда и всем на земле будет хорошо. И я знаю, что вы делаете все, чтобы на земле был мир.

Отсюда, с кормы, где мы беседуем с Петером, хорошо видны красные и зеленые огоньки, скользящие по широкому Зунду. Это проплывают мимо Хельсингборга суда. Они везут лес и уголь, прокат и машины... А совсем рядом с нами, у пирса на вечном приколе стоит несколько еще совсем новых судов, окрашенных мертвящим светом желтых фонарей. Да, старая история. Для них не нашлось работы. Десятки огромных, совсем еще новых танкеров пущены на слом: для них тоже нет работы.

Тоскливо смотреть на «безработные» суда, окрашенные мертвящим желтым светом. Петер перехватывает мой взгляд. Он моряк и хорошо понимает, что такое — судно на вечном приколе. Да, это значит — тридцать, сорок человек остались без работы. А это плохо. Ох, как это плохо:

— Надо жить в мире и тогда все будет хорошо.

Петер видит в наших глазах одобрение, и радостная улыбка освещает его молодое, веснучатое лицо.

ФРГ, Киль — Швеция, Хельсингборг.

АБСТРАКЦИЯ И ... ЖИЗНЬ

Мачты сотен кораблей скрывают от нас контуры Антверпена. У шлюза, ведущего в порт, парят чайки. Одна за другой они бросаются к воде, а потом снова взмывают над серебристыми шарами — баками бензохранилиц.

Здесь, около этих бензохранилиц, снимались заключительные кадры бельгийского кинофильма «Чайки умирают в гавани» — фильма, волнующего пристальным вниманием к судьбе простого человека и, в то же время, оставляющего горький осадок: судьба героев фильма горестна и, по воле авторов, беспросветна...

Помните последние кадры фильма? Бегущий от полиции, от вечного страха, бегущий сам от себя, человек карабкается на один из огромных шаров. Лихорадочно торопливы его движения, а в глазах — то тупое отчаяние, безразличие, то надежда...

— Представьте, что этот шар-бензохранилице и есть наша земля. Разве она и в самом деле не пропахла бензином и страхом? — как будто говорят постановщики и авторы фильма. — И на этом шаре-земле — человек. Жизнь его никчемна, как вот это карабканье. Жизнь его — ничто. А счастье — это сказка.

К такому выводу пытаются привести зрителя создатели «Чаек...», продолжающих серию так называемых «черных» фильмов, обычно мастерски сделанных, но гнетущих своей безнадежностью...

Перед нами — Антверпен. Что же расскажет о себе этот город?

«Вильде» вошел в шлюз. Опустился подъемный мост, и, как будто сорвавшись со старта, на мост ринулась лавина велосипедистов. За мостом, вдали, спичечная коробка — великан. Здание Кредитбанка. Чуть правее вонзил в небо высокие готические башни кафедральный собор. По причалу шлюза прошагали чем-то озабоченные полицейские с дубинками на боку. На фасадах домов — размашисто написанные рекламы.

По улицам идут люди, молодые и пожилые, одетые просто и одетые вычурно, озабоченные и веселые... Живет ли в их сердцах тревога и отчаяние фильма «Чайки умирают в гавани»?

Мы еще раз вспомнили этот фильм в музее современной скульптуры в роскошном парке Миддельгейм.

... Такси, тихо шурша шинами, проплывает мимо фешенебельных особняков, укрытых от постороннего взгляда могучими кронами каштанов. Навстречу бежит аллея парка. А за изгородью нас ждет мир и человек, каким его представляют сегодня многие скульпторы Запада.

На аккуратно подстриженных лужайках, окруженных кущами деревьев, стоят десятки, сотни скульптур.

Железный человек, запрокинув голову, пустыми глазами смотрит в небо. Скульптор обнажил правую часть лица, распахнул грудную клетку. Там, где должно биться сердце — тяжелые шестеренки, перемалывающие маленьких человечков.

Рядом — изогнутые, тускло отсвечивающие на солнце пластины бронзы. И еще скульптура — сверкающая призма заключена в клетку из трех пересекающихся железных прутьев.

Куски железа, каменные глыбы заслоняют, представленные здесь, немногие реалистические, ясные и гуманные произведения.

Я далек от мысли, что большая часть уродливых работ — просто плод шарлатанства или болезненной фантазии. Многие художники, по всей вероятности, честны в своих намерениях, и стремятся отобразить сегодняшний день. Но почему они бегут от мира живого в мир линий и цветных пятен?

Все эти «эксперименты» — далеко не шаг вперед. Это — не новый день искусства. Это просто-напросто отражение неуверенности, неожиданных взлетов и жестоких падений, крушений идеалов, отражение всего того, что так характерно для капиталистического мира.

Не умея понять время, разуверившись во всем, художники или мстят миру капитализма, создавая людей, искалеченных им, или уходят в «неведомые страны» искусства, где господствует сочетание изящных линий, бездумное смещение красок. И только немногим, которые сумели постичь свое время, найти движущую, прогрессивную силу, удастся убежать от этого «кладбища надежд» и дать миру поистине волнующее произведение.

И мы увидели ту силу, что ведет в будущее, которую пока не смогли понять многие художники, чьи работы

представлены в парке Миддельхейм. Она есть и в Бельгии.

Всего в нескольких минутах езды от парка, на центральных улицах Антверпена мы увидели, как шли сотни, тысячи людей. Над их головами колыхались транспаранты с призывами к солидарности в борьбе с предпринимателями. Эта мощная волна как бы сметала со своего пути другую — черную волну полицейских. Шли бастующие рабочие антверпенских судоверфей.

Маленький юркий автомобильчик беспрепятственно прокладывает себе дорогу в гуще шагающих людей, и, повинувшись командам человека, вставшего на подножку автомобиля, люди мгновенно перестраивали свои ряды, меняли направление движения.

По улицам Антверпена шла ударная дисциплинированная сила рабочего класса, собранная в мощный разящий кулак.

Рабочие окружили несколько домов, наверно, конторы судоверфей. Из ворот одного дома выкатил модный лимузин. Но тут же остановился: рабочие не пропустили.

— Мы требуем! Правда восторжествует! Удовлетворите наши требования!..

Рабочий класс Антверпена!.. Это и есть движущая сила, которую не смогли разглядеть многие художники, чьи произведения выставлены в парке Миддельхейм. Не разглядели, не поняли ее и создатели фильма «Чайки умирают в гавани».

Она — надежда Бельгии, ее новый день!

Бельгия, Антверпен.

ГОЛУБОЕ НЕБО НИДЕРЛАНДОВ...

Было раннее утро, когда «Эдуард Вильде» ошвартовался в Роттердамском порту. Но рабочие кварталы города, которые вплотную подступали к порту, уже проснулись. То и дело раскрывались двери однообразных кирпичных домов-близнецов. Хозяйки с пестрыми сумками спешили в лавки; мужчины в блекло-синих спецовках уже катили на старых велосипедах, спеша на причалы, склады, к заводским станкам. На перекрест-

как улиц появились ларьки-велосипеды, торгующие голландской национальной едой — маринованной селедкой.

Взошло солнце. Центральные улицы Роттердама, в одних местах прямые, как стрела, в других — изогнутые, тоже ожили, наполнились людским говором. Яркими кострами полыхают настурции в больших глиняных вазах. . .

Роттердам, меньше двух десятков лет назад почти стертый с лица земли зверскими бомбардировками фашистов, снова стал крупнейшим портом Европы.

Я смотрю на вазы с полыхающими кострами настурций, на пеструю лавину велосипедистов, вслушиваюсь в беззаботный уличный шум, перекатывающийся над плитняковым тротуаром. . . И трудно поверить в то, что над этими же улицами выли бомбардировщики, что здесь рвались бомбы, взлетали в небо дома, разваливаясь на куски. Каменная лавина обрушиваясь на землю, хоронила под обломками тысячи людей. . .

Да! В это трудно поверить, видя перед собой залитую солнечным светом улицу и беззаботную толпу в пестрых одеждах.

И поневоле сомневаешься — осталась ли в памяти народа черная вереница страшных дней разрушения и гибели? Искаженные ужасом лица, глаза обезумевшие, истерзанные тела?

. . . В одном из зданий, уцелевших после бомбежки, сейчас городской исторический музей. Его сотрудники могут многое рассказать о трагедии, пережитой роттердамцами. За несколько дней было разрушено двадцать восемь тысяч домов, ранены и убиты тысячи людей. Город превратился в огромный костер.

До сих пор в городе острый жилищный кризис. У Нордер Канала, как и в других районах города, можно видеть много плавающих домов. Их называют «вонбонги». Многие старые дома до отказа забитые людьми, того и гляди развалятся от ветхости. Власти запрещают жить в них. Но что поделаешь? Надо же где-то жить: пусть это будет старая развалина, за которую тоже приходится платить треть заработка.

О трагедии города напоминает и страшная, охваченная безумием человеческая фигура монумента Осипа Задкина «Разрушенный город».

Монумент стоит на набережной Леуве Хавен, там, где раньше были пустыри. Отсюда открывается вид на порт. На зеленовато-голубой воде качаются тысячи барж, вдали громоздятся огромные корабли. Сюда приходят посидеть на лавочках старики. Малыши, хлопая в ладоши, бегают за голубями.

А над стариками, окунувшимися в сны юности, над детьми, у которых еще все дни, как веселый сон, над мачтами кораблей с трепещущими флагами, над шумом города и грохотом порта возвышается страдающий, безмолвный человек.

Его голова запрокинута, ужас исказил лицо, прорезал в металле жесткие морщины, беспомощно раскинуты огромные надломленные руки. Гнетущая безысходность, словно опрокинула человека. Сквозь растерзанную грудь безобидно проглядывает кусочек неба, голубого неба Нидерландов.

Скульптор, видимо, хотел сказать: человек растоптан, у человека нет больше сердца, его вырвали; сожгли. . .

А может быть, этот кусочек неба в груди исковерканного войной человека — надежда?

Может быть, — это надежда на то, что малыши, которые щебечут около памятника и у которых глаза такие же голубые, как небо в груди охваченного ужасом человека, может быть они не позволят еще раз повторить черные дни, навсегда оставшиеся в памяти их отцов и матерей?

Может быть. . .

И как-то понятнее становится то неподдельное внимание, с которым голландцы относятся к нам, советским людям. Понятнее становится дружелюбие простых голландцев. Познав весь ужас истребительной войны, они хотят, чтобы их дети его не знали. И поэтому с такой надеждой смотрят они на нас — представителей страны, известной своим миролюбием.

Хорошо запомнились минуты прощания с Роттердамом. Ярко-желтый буксир выводил наш теплоход из порта. Лоцман, пожилой голландец, вдруг улыбнулся. Такие улыбки озаряют лица при встрече с хорошим другом.

— Посмотрите. . . Вон там, у пассажирского причала. Видите? Это наш новейший лайнер «Роттердам». Он уходит в первый рейс. . .

В голосе старого голландца звучали теплые нотки.

А потом его лицо омрачилось. С капитанского мостика теперь уже хорошо была видна вся гавань. Недалеко от «Роттердама», среди гавани, на якоре стоял авианосец. Лоцман тронул за рукав капитана и, горько усмехнувшись, сказал ему несколько слов. Александр Борисович Юдович перевел их.

Голландец сказал:

— Мне гораздо больше нравится тот, белый лайнер, чем эта черепаха-авианосец. Хоть и стоит «Роттердам» куда дешевле...

... Голландцы с любовью показывают свой огромный порт, четыре туннеля, проложенных под рекой Маас на большой глубине, отвоеванные у моря плодородные поля...

О себе они шутя говорят: «Бог сотворил воду и сушу, но твердь Нидерландов создали мы сами».

И не для того многие поколения неустанно боролись с морем, воздвигали дамбы, строили города, чтобы за несколько мгновений все это могло бы быть разрушено ураганом войны.

... Не об этом ли напоминает бронзовый человек, в ужасе вздымающий надломленные руки к голубому небу Нидерландов.

Голландия, Роттердам.

ГАМЛЕТ, КОВБОИ И КРАСОТКИ...

Хельсингёр — небольшой датский городок. Сердце города — замок. Он возвышается над берегом моря, подобно замшелому, но еще крепкому корневищу. По преданию, именно этот замок послужил Шекспиру прототипом Эльсинорского замка, в котором жил, страдал и надеялся обрести счастье принц Гамлет.

Уже ранним утром по тенистым аллеям к замку течет толпа. Вспугивая величавых лебедей, туристы пересекают по мосткам крепостные рвы с водой, идут мимо старинных пушек, уже давно переставших пугать кого-либо. Люди входят в светлый прямоугольник

дворцового двора, вымощенного брусчаткой с небольшим фонтанчиком посередине. С четырех сторон на них смотрят сумрачные стрельчатые окна замка. Высоко в небо уходят зеленоверхие, словно покрытые мхом, башни.

Гулкие шаги нарушают мертвый покой огромных залов, увешанных картинами и гобеленами. Группа школьников, усевшись прямо на пол, слушает пояснения гида. Седой учитель стоит тут же, но он смотрит на море, на волны, которые одна за другой упорно взбираются на песчаную отмель у подножья замка.

Молодая англичанка замучила гида вопросами. Ее глаза торопливо перебегают с предмета на предмет, отыскивая следы того, о ком еще в детстве рассказывал ей ее великий соотечественник, кто до сих пор восхищает ее стремлением к справедливости, — она пришла на свидание с безумным принцем, который, может быть, и не был безумцем.

С одной из самых высоких башен хорошо виден весь город. В годы гитлеровского нашествия отсюда, с крыши замка, фашистские пулеметчики сторожили дорогу через Зунд.

А внизу, рядом со старинными пушками, около которых застыл солдат в тяжелой каске, притаились, укрытые зеленой листвой, орудия новейших образцов. На плацу, за рвом с водой, маршируют солдаты. Да! «Не все спокойно в королевстве Датском...»

Мы, конечно, тоже, как и все посетители замка, подпали под обаяние старины. В памяти всплывали шекспировские строки. И словно снова переживали мы трагедию далеких лет. Это волнующее чувство сопровождало нас и в первые минуты прогулки по старым улицам Хельсингёра. Но... поистине от великого до смешного — один шаг. Из мира шекспировских героев мы вдруг попадаем на центральную улицу города, заполненную щитами с аляповатыми рекламами кинофильмов. Ковбой подняли устрашающие дула револьверов. Красотки, высоко задрав юбки, прислонились к лихо улыбающемуся солдату. С обложек журналов, заполнивших витрины многих магазинов, на прохожих смотрят бесстыдными глазами обнаженные красавицы.

И я думаю о детишках, которые из залов старинного

замка, через какой-нибудь час придут на эту улицу. Что их ждет здесь?

— Да, — вздыхает в сердцах штурман Ванин, — одни оберегают древнюю культуру, а другие, рядом...

Третий механик Владимир Юдкевич продолжает мысль Ванина.

— Ну, чтож, это ли не типично для буржуазного города. Видели около замка отель? А название заметили — «Принц Гамлет». Для богатых туристов. И это все, — он махнул рукой в сторону реклам боевиков, книжных киосков, — для определенных вкусов... Начхать им, что рядом замок Гамлета. Было бы денег побольше, — он резко взмахнул головой, откидывая со лба свои русые волосы.

И снова вспомнились ребятишки в замке, с упоением слушающие рассказ гида, молодая англичанка, седой учитель...

Нет, не может погасить в настоящем человеке стремление к прекрасному и возвышенному, ни царящая вокруг жажда наживы, ни наглость боевиков, ни пошлость буржуазной прессы.

Дания, Хельсингёр

РОДИНА...

Темной августовской ночью «Эдуард Вильде» покинул Ростокский порт и взял курс на Таллин.

За кормой в ночном небе долго еще был виден огромный светящийся земной шар, разрезаемый носом корабля. Это прощалась с нами эмблема крупнейшей в ГДР судоверфи «Нептун-верфь».

Два дня назад, воспользовавшись приглашением депутата Верховного Совета ЭССР, капитана Феликса Вооленса, я побывал на верфи и посмотрел теплоход «Локса», который был предназначен для Эстонского пароходства.

Феликс Вооленс, назначенный капитаном на это судно, крупнейшее в нашем пароходстве и первое, которое построено в ГДР для Советской Эстонии, по-хозяйски водил меня из отсека в отсек, сыпал цифрами и доволь-

ная улыбка не сходила с его красного, обветренного лица.

А в общем, действительно было чему радоваться. Грузоподъемность теплохода 3.950 тонн, скорость 13,5 узлов. Об отличных эксплуатационных качествах судна говорят и такие данные: за один прием носовая стрела поднимает груз весом в 40 тонн. В трюме судна может встать чуть ли не трехэтажный дом...

Городские огни за кормой слились в одну оранжево-желтую полосу. Прошло еще полчаса, и огни Ростoka растаяли в ночном небе. Теплоход шел в открытом море, шел в родной порт Таллин.

Разыгрался шторм. За иллюминатором бешено колотали серочерные, в белой пене волны. В каюте темно. На нижней полке ворочается с боку на бок (никак не уснуть в такую качку) сменившийся с вахты Юрий Юнин, четвертый механик.

Взлетев на гребень особенно высокой волны, теплоход начинает медленно скользить вниз, словно опускается в огромную яму. В какое то мгновение, видимо, оголяются винты и мы чувствуем, как по судну пробегает лихорадочная дрожь. Жалобно звенят стаканы в подставках...

В радиоприемнике что-то защелкало, потом затихло. И вдруг, неожиданно громко, с какой-то хорошей лихостью, мужской голос, прорвавшись к нам сквозь бурю-непогоду, запел о прибрежном колхозе и о море.

Какие силы может придать голос далекой Родины, какой большой радостью наполнить всего!

Перестал ворочаться Юрий, он тоже слушал этот голос. Словно ближе стал родной берег, друзья...

И только по-прежнему тоскливо дребезжали стаканы в подставках. И вспоминались встречи с людьми, у которых при слове родина горько сжимается сердце. Сжимается в горечи от утраты, самой страшной утраты для человека, утраты Родины.

*

... Еще в день прихода в Хельсингборг было решено провести встречу по волейболу между палубной и машинной командами. В десять минут ребята натянули сетку прямо в порту, и по свистку судьи, поварахи

Татьяны Фроловой, моторист Вальтер Валк сделал первый удар по мячу. В пылу игры никто не заметил, как вокруг площадки собрался народ. Сперва подкатили двое парнишек на велосипедах. Потом подошли и пожилые люди. Казалось, что они пришли просто посмотреть игру, «поболеть».

Старший механик Артур Кристьянович Круузимиаги и Вальтер Валк заспорили: какая из команд выиграет. Словно притянутые магнитом, вокруг них собрались люди. Они жадно ловили каждое слово. Улыбки, в которых можно было прочесть и радость и грусть, проступали на лицах. Это были эстонские эмигранты. Они слушали, как разговаривали на их родном языке два эстонца «оттуда», с родины, которая сейчас так далеко. . . Ради этих минут они собрались сюда, ради того, чтобы взглянуть на корабль из Советской Эстонии, который своим приходом воскресил в душе запах родных полей, шум родных лесов. . .

Моряки пригласили всех на судно. Нам была понятна та скрываемая и все же заметная настороженность, с какой гости поднимались по трапу. Круглолицый эстонец, плотник по специальности, придерживав за рукав моториста Вальтера Валка, осторожно спросил:

— Скажите, почему вы тихо говорите по-эстонски? Вас не притесняют русские ребята?

Валк едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться. Мы хорошо знали, откуда дует ветер. Еще утром у теплохода появился высокий человек в тщательно выутюженном костюме. Он стоял на набережной и смотрел на моряков, собравшихся на палубе покурить. Ядовитая усмешка будто приклеилась к его худому бледному лицу.

Хорошо понимая тщетность усилий оскорбить и запятнать людей, верящих в правоту своего дела, он бросал грязные упреки, словно повторяя заученный урок. Это был один из тех, кто всеми силами пытается скрыть от соотечественников правду, клеветает в эмигрантских листках.

Но, как говорят, у лжи короткие ноги. И многие эстонцы, оказавшиеся во время военной бури в Швеции, перестали верить в небылицы, они хотят знать правду о Советской Эстонии.

Это было видно по тому, как светлели лица наших гостей, когда они рассматривали в судовой библиотеке книги Таммсааре, Вильде. Как много им хотелось узнать: о новых больших стройках, о спектаклях, о новых домах, о школах... А в глазах не угасала затаившаяся печаль. Печаль о самой большой потере, тоска по родине, которая по праву гордится такой величайшей победой, как первый в мире полет человека в космос.

А что осталось у них? Чем могут гордиться они? Женщина, одетая в строгое черное платье, лицо которой прорезали горькие морщины, рассказала:

— У нас дочь. Она родилась уже здесь, в Швеции. Правда, она знает родной язык, и мы ей много рассказываем о родине, какой знали ее раньше. Мы повесили в ее комнате портрет Пятса. А она однажды взяла и повесила на этот портрет кольцо. Знаете, такое кольцо, без которого нельзя станцевать модный здесь танец «хула-хуп». Она хорошая девочка, и не хотела нас обидеть. Просто для нее все то, что осталось от прежней Эстонии — далекая старина. Непонятная и ненужная. Она живет настоящим и ее восхищают ваши космические ракеты. Впрочем, они восхищают и нас...

И еще одна встреча. Может быть, не самая важная, но она сохранилась в памяти во всех деталях. Эта встреча произошла в Антверпене.

Узкие переулки города, отороченные желто-красными тентами кафе, ходили на лесные речушки, бегущие меж полян, полных веселых цветов.

Сливаясь вместе, они рождали гордый поток бульваров: Итальянский... Французский... Американский...

Подобно быстроходным катерам, пронеслись автомобили, позванивая, катили работяги-трамваи, на их прозаических бело-желтых боках красовались назойливые призывы: «Пейте кока-кола!». И, подобно набережным далеким городов, манили к себе витрины магазинов, а манекены, галантно приподняв шляпы, жевали нам счастливого плаванья...

И мы действительно словно плыли по этой сверкающей реке. Фруктовые лавчонки на перекрестках посылали нам вдогонку аромат далеких стран, а антверпенские модницы в коротких пышных платьях, покачиваясь, проплывали мимо, как яркие речные бакены...

И тогда мы увидели художницу, которая зарабатывала себе на хлеб, рисуя мелками на асфальте.

Она стояла, прислонившись к сверкающему крылу автомобиля — одного из тех, что выстроились в ряд вдоль тротуара.

Черная, обтягивающая кофта и желтые узкие брюки на женщине вызывали какое-то неприятное ощущение. В ее позе была и небрежность, и настороженность, и ожидание, и злость. Спокойным, бесстрастным было только лицо.

Но вот встревоженный взмах ресниц: и в прохожих метнулся взгляд затравленного человека. И ее огненно-рыжие волосы, освещенные беспощадным солнцем, вдруг вспыхнули как ржавчина на корпусе потерпевшего крушение корабля.

Прохожие замедляли шаг, будто подходили к опасному месту, останавливались...

У ног женщины на истертом асфальте была начертана картина. Искаженное, кирпичное лицо Христа तो ли молило о чем-то прохожих, то ли угрожало. И грозные тучи, вокруг него приклеившись к асфальту, никак не могли улететь в сияющую даль дня...

Осторожно протягивая руку, с опаской бросали прохожие мелочь в жестяную коробку.

Женщина опустила глаза. Лицо ее снова стало бесстрастным, замкнутым.

Все так же беспечно смотрели на прохожих люди из-под желто-красных тентов кафе, все так же весело перешептывались кроны лип, мчались автомобили, позванивали трамваи, приторно улыбались солнцу манекены...

Только узкие улочки не казались больше веселыми, сверкающие витрины потеряли свою манящую загадочность. И было жалко манекенов. Их краски и улыбки искусственны. В их картонном теле нет места для сердца.

Нет в этом городе места и для той женщины.

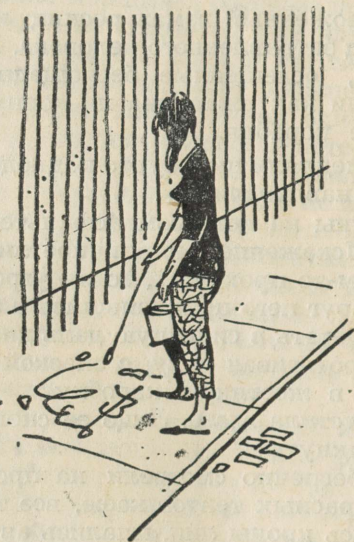
Рыжее пятно ее волос на зеленой волне липовых крон маячило вдали, как сигнал бедствия, как кровоточащая рана на пыльном теле города.

Да, не у каждого есть Родина, которая как заботливая мать распахивает перед тобой двери в будущее, дает

тебе великую цель, ради которой стоит жить, за которую ты готов, если нужно, отдать и саму жизнь.

К этой Родине, рассекая холодные волны Балтики, шел теплоход «Эдуард Вильде».

ГДР, Росток — ЭССР, Таллин. 1959 год.

ОЛИМПИЙСКИЙ
ДНЕВНИК

НОЧЬ И ДЕНЬ В ИТАЛИИ...

«ТУ-104» буквально броском, оторвав нас от бетонированной дорожки Шереметьевского аэродрома, укутанного сиреневой дымкой, пронес над Готландом и, чуть не задев крылья старушек-мельниц, приземлился на дорожке Амстердамского аэродрома, окруженного со всех сторон каналами.

Второй этап мы «прошли» куда медленнее. Итальянский «коллега» нашего «ТУ-104» с огромной эмблемой олимпийских игр на борту, хоть и трудился вовсю, натужно гудя четырьмя моторами, но «шел» значительно тише, и мы вдоволь могли любоваться седоголовыми верхушками Альп, унизанных жемчужными ожерельями озер.

— Рим! Рим!

Мы прильнули к окнам. Внизу, в жарком мареве, насколько хватало глаз, распластался вечный город, желто-оранжевый с высоты.

... В открывшуюся дверь самолета пахнуло жаром. И хоть в том, что ртутный столбик добрался до отметки 40 градусов, было виновато только солнце, нам казалось, что римские дома, и площади, и улицы накалены предолимпийскими жаркими страстями.

... Поздно вечером, поужинав в пансионе «Санта Андреа» и выпив по стакану кьянти, без которого итальянцы не сядут за стол, мы пошли побродить по улицам Рима, который с рассветом готовился встретить олимпийский огонь.

Миновав фонтан Моисея, где мальчуганы наполняли бутылки из-под кьянти прохладными, голубыми в свете неона струями воды, мы спустились к площади Республики. Посередине ее мощные струи фонтана окутывали голубыми покрывалами мраморные спины купающихся

наяд. Итальянцы спокойно сидели на парапете, окружающем фонтан. Ветерок, пробежав огромную виа Национале влетал на площадь, замкнутую строгими рядами колонн, играл олимпийскими флагами, свисающими с окон зданий... Площадь предстала нам очень грустной и тихой. И потому, что наше воображение было разгорячено жарким солнцем и предвкушением захватывающих олимпийских схваток, нам никак не хотелось мириться с этой грустью. Но... каждый шаг по улицам возвращал нас к действительности.

... На ступеньках меж колонн итальянец поет туристам грустную песенку о влюбленных, которые никак не могут соединиться в крепком объятии. Туристы за столиками спокойно цедят из стаканов «мартини». А рядом двое парней, запрокинув черноволосые головы, мечтательно смотрят на звезды. Уж не про них ли эта невеселая песня... Мимо нас, цокая подковами по мостовой, худые клячи тянут пролетки, в которых удобно разлеглись туристы, поглядывающие по сторонам.

К рукаву моего пиджака притрагивается высокий худощавый парень. Лихо помахивает открыткой: Двадцать герлс, двадцать задранных кверху ног — реклама модного кабаре.

— Прима!

Потом, повнимательнее всмотревшись в наши лица и услышав нашу речь, быстро прячет открытку. На лице виноватая улыбка.

— Что поделаешь, надо же зарабатывать как-то на хлеб.

... Устало постукивая каблуками по мостовой, нам навстречу идут две женщины. В их голосах, которыми они окликают нас, и безнадежность, и тоска. На печальных лицах застыло ожесточение.

Невидящими глазами всматривается вдаль старик. С протянутой руки свисают зеленые и синие змеи-галстуки. Один скользит, падает и замирает у морщинистых ботинок старика. Пронзительно зеленая струя среди обгрызанных арбузных корок и скрюченных окурков...

... Полутемные переулки, убегающие в темь от яркого сияния площадей. Скорбные тени людей, прижавшихся к стенам... В голове застучали, как кровь, строчки:

Переулок, ты распятые зданий,
тихо окликающих друг друга
и не знающих, как это страшно —
в темноте остаться одиноким.

Как хорошо знает, как любит свою страну и как печалится о ней ее великий сын и великий поэт Сальваторе Квазимодо.

Да, далеко не веселая прогулка. А где же люди, которых воображение рисовало улыбчивыми, ясноглазыми, звонкоголосыми?..

... На следующее утро за завтраком мы разговорились с переводчиком — нашей милой Марианной. И вспомнили вечерний Рим. Я сказал, что итальянцы показались мне слишком грустными, а город — печальным. Марианна весело смеялась:

— Что вы! Посмотрите еще.

Она была права: я слишком еще мало видел, чтобы делать такой вывод.

На живописной дороге в маленький, но всемирноизвестный своими соборами, городок Ассизи, куда мы ездили на экскурсию, наши бесстрашные шоферы устроили такую лихую и веселую гонку и так заразительно при этом смеялись, что, преодолев страх, им вторили все пассажиры автобуса. Да, это были чудесные парни. И я очень хорошо представляю себе, как гордо они разгуливают сейчас по римским улочкам, выставив напоказ всем советские значки «Спутник», украшающие их рубашки. Я помню, какой радостью светились их глаза, когда мы прикрепляли эти значки к их голубым рубашкам.

И до сих пор у меня ноет плечо, стоит мне только вспомнить одного парня из Ассизи с довольно-таки тяжелой рукой. Мы стояли у старого-престарого монастыря, который никак не хотел «влезать» в наши объективы. Парнишка тоже суетился вместе с нами. Отбежал в сторону, приседал на булыжной мостовой, отчего одна из его коленок получала возможность тоже полюбоваться собором. Наконец, он звонко стукнул себя по лбу и потребовал аппарат, чтобы увековечить нас на фоне вечного собора. До фотографирования дело не дошло, так как парень прочел название аппарата. Догадавшись по этой надписи, что перед ним люди из Советского Союза, он так огрел меня по плечу от радости, что я

не мог опомниться те несколько минут, пока он бегал за своим товарищем, почтальоном, чтобы и он увидел парней из России. И уж тут, не долго думая, я сам хлопнул почтальона по плечу, а он от удовольствия хохотал во все горло. И его зубы так сверкали, будто у него был полон рот солнца.

Вооруженные аппаратами, сумками и кулками, мы как альпинисты карабкались по горбатым средневековым улочкам Ассизи, так похожего на старый Таллин, если бы над ним подвесить итальянское солнце. И подобно альпинистам, увидевшим цветок среди снега, мы ошеломленные останавливались у лавчонок, где в окружении рыжих тазов, старомодных кофт и воздушных шаров. всех цветов радуги, народная Италия одаривала нас очаровательными улыбками своих пятнадцатилетних дочерей.

Да нет, как это в Риме, в первый вечер мы могли думать, что итальянцы грустный народ? И откуда взялась печаль, что сдавила в тот вечер сердце? И какой большой любовью к советской стране полны сердца простых итальянцев. Это о ней устами своего сына Квазимодо они сказали:

Ты — это руки, ты — миллионы рук,
Протянутых вперед, рук, ищущих рукопожатья.

И вдруг так четко, словно сию в кинотеатре, перед глазами поплыли кадры хорошего фильма «Ночи Кабирии». Помните героиню в самом конце фильма? Только что она пережила чудовищную трагедию: человек обманулся в человеке, человека обманула жизнь, человеку ненавистна сама жизнь, где все ложь, где любовь ничто, где деньги важней самого прекрасного — человечности.

И вот этот человек, вернее, то, что может остаться от человека, если у него отнять веру в самое прекрасное, бредёт по шоссе, не зная куда, не зная зачем. . . А рядом идут простые итальянцы. Такие же простые, как она сама, только на их лицах — улыбки, в их сердцах — надежда. И постепенно окаменевшее лицо женщины теплеет, в глазах, полных слез, загорается луч надежды: нет, все-таки жизнь — это жизнь. Да, это правда, что много гадости и грязи. Но жизнь все же прекрасна. Плохо сейчас? Но светлое придет, обязательно придет. И оно

будет светлым для всех, даже для бедных и незащищенных. Надо верить в будущее и жить для него.

И вот вечер на площади Республики, первый римский вечер, и день в Ассизи, как бы слились воедино. Да, итальянцы все же веселый народ, хоть и умеют грустить. Но ведь и жизнь у них не такая уж радостная, чтобы то и дело сверкать ослепительно белыми зубами.

И так же, как любовь к жизни заискрилась радостью глаза Мазини, словно солнце утром, разогнав туман, зажгло росу, вот так же надежда разгоняет горькие думы тысяч итальянцев о трудном дне и зажигает их глаза верой в будущее, где счастье будет одинаково светить всем, где не будет позорного деления на бедных и богатых, где счастливыми будут все.

Ведь счастье — это та радость, которую обретает человек в труде для всех.

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ

Яркое солнце, затопившее белоснежный стадион. Колонны спортсменов под флагами своих стран маршируют мимо трибун. Все это одновременно и очень просто, и совершенно необычайно.

Просто потому что для нас не такая уж редкость видеть идущих рядом людей разных национальностей под флагами своих стран.

И все это необычайно и преисполнено великого смысла потому, что в минуты, когда видишь перед собой на зеленом прямоугольнике стадиона цвет наций, объединенных стремлением доказать величие и могущество человека, когда вспыхивает огонь, символизирующий право человека на гармоническое развитие, когда видишь, как склонились знамена десятков стран перед человеком, который произносит клятву в честной и справедливой борьбе доказать свою силу, ловкость, чувствуешь, какими близкими и дорогими становятся тебе тысячи людей Земли. Понимаешь, что доброе начало и разум человека преодолеют все преграды. И это чувство оставалось в сердце все дни игр. И ничто не в силах было нарушить его, хотя злой ветерок недоброжелательства, корысти, завистничества, злобы ко всему новому, что несет человеку социализм, нет-нет да и колебал священный олимпийский огонь.

Но этот огонь, огонь веры в человека, неугасим!

... Одна за другой вступают на стадион делегации стран мира. Вижу флаг Эфиопии. Невольно оборачиваюсь назад. Там, за моей спиной, у входа на стадион, уткнулся в небо обелиск, воздвигнутый в честь Муссолини, по приказу которого десятки самолетов обрушили свой смертоносный груз на мирные села Абиссинии. Отсюда обелиск похож на жирный палец дуче, угрожающе поднятый в небо. Но 80 тысяч человек сегодня повернуты спиной к этому призраку прошлого. Они аплодируют представителям африканских государств, сумевших сбросить оковы колониализма. И так хорошо, всем сердцем понимаешь двух негров, идущих под флагом Ганы, когда видишь в их черных руках белоснежные платки. Но им нечего скрывать своих гордых слез.

... Это произошло на последних минутах матча баскетболистов Испании и Филиппин. Страсти, казалось, докрасна накалят железобетонный купол «Палаццетто делло спорт». Равный счет. Все может решить один, один-единственный бросок. Борясь за отскочивший от щита мяч, один из филиппинцев сбивает с ног испанского игрока. . . И замелькали кулаки, словно ураганом сорвало с мест запасных игроков.

Люди, минуту назад демонстрировавшие величайшую ловкость человеческого тела, его неутомимость и грациозность, теперь, нелепо размахивая руками, катались по полу, нанося удары друг другу.

Слева и справа от нас несколько туристов из породы толстосумов, в растегнутых рубашках, в коротких штанах, которые каким-то чудом стягивали тучные животы, неистово топали волосатыми ногами и, безжалостно раздирая щеки, вопили во всю глотку, стараясь изо всех сил еще ярче раздуть разбушевавшийся огонь озверелой ярости.

Но победил огонь олимпийский. Игроки разошлись в разные углы площадки, закрыв от стыда лица. А через минуту, крепко пожав друг другу руки, они продолжали борьбу. И снова мы видели на площадке замечательных мастеров, ловких, смелых, неутомимых борцов.

И когда после матча несколько игроков, обнявшись, покидали площадку, «Палаццетто» звенел от аплодисментов. Это аплодировали простые итальянцы и все те, кто приехал в Рим, чтобы видеть торжество честной

спортивной борьбы и кто был рад, что олимпийский огонь не удалось затушить, кто верил, что вот также нельзя теперь затушить, нельзя подавить в человеке человеческое.

... В секторе для толкания ядра сошлись сильнейшие атлеты мира. Один за другим пробуют они силу своих «стальных» мышц. Только что закончил попытку американский атлет Нидер. Долгим, недоумевающим взглядом смотрит он в сторону упавшего ядра, отходит, сокрушенно разводит руками: что такое, никак не получается толчок, и что за причина... И вот тут-то на помощь сопернику пришли советские атлеты.

— Рука, рука, — подсказывают они Нидеру, — не до конца разгибаешь руку в момент толчка...

Американец радостно кивает головой, а рядом — его товарищи по команде, хранящие гробовое молчание, по лицам которых видно: им сейчас не до Нидера, и «своя рубашка» куда больше беспокоит их... Эти минуты и заставили впоследствии Нидера в беседе с корреспондентами о причинах неудач американцев и о «секрете успехов русских» сказать, что первые проигрывают из-за отсутствия коллективности, из-за того, что корысть разъедает сердца, а «русские» выигрывают как раз потому, что это — хороший коллектив и добрые, отзывчивые ребята. Ну да, ему, Нидеру, и в голову не пришло просить помощи, совета у своих ребят, а тут русские сами пришли на помощь, хоть, по его мнению, это явно им было не на пользу.

И вот что сказал корреспондентам Лонг:

— Да, конечно, никто бы не стал помогать Нидеру, ведь каждому хочется одеть на шею золотую олимпийскую медаль.

После таких слов особенно ясно понимаешь, какое доброе чувство в сердце оставляют дружеские поступки наших спортсменов.

... В титанической, окрещенной журналистами «железной игрой», борьбе тяжелоатлетов Томми Коно и Александра Курынова победил казанец.

«Железный Томми», не знавший поражения уже много лет, побит, отстал от волжского богатыря на целых десять килограммов, несмотря на то, что выступал блестяще, как никогда раньше... Есть от чего скорбно согнуть спину, есть от чего опустить голову, чтобы не

встретить ледяного безразличия в глазах «главного финансиста» команды Боба Гофмана. Но вот чья-то рука притрагивается к его плечу: не стоит горевать, Томми, ты боролся, как настоящий спортсмен, и тебя всегда будут вспоминать добром за мужество и спортивную мудрость... Кто же первым протянул руку дружбы? Это были наши тяжелоатлеты.

Горький след оставил в памяти отвратительный дух малой и большой коммерции, витавший над белоснежным олимпийским стадионом. Этот дух оставил свои черно-желтые меты на многих прекрасных площадях и улицах Рима. Черная шестиногая собака, изрыгающая адское пламя из пасти (реклама итальянской фирмы «Агип», продающей бензин) неотступно преследовала нас не только на римских улицах и площадях, но даже умудрялась портить считанные минуты краткого сна туриста. Бесплатно рекламируя игры, фирма не забыла о своих интересах. Игры — играми, а коммерция — коммерцией.

Но эти желто-черные листы, эта мелкая коммерция — только цветочки по сравнению с той, особенно отвратительной, которая свила себе гнездо на трибунах «Стадио Олимпико».

Представителей этой крупной коммерции, толстосумов, богатящихся на купле-продаже «спортивных звезд», не так уж мало собралось на трибунах олимпийского стадиона. И как горько на душе от сознания того, что нашлись спортсмены, которые «клюнули» на золотой крючок. Уйдет, кажется, в профессионалы и Нидер, ему обещают блестящее будущее боксера.

Да, старательно распространявшийся дух профессионализма, посулы легкой наживы затуманили не одну голову. Великолепно перелетев через планку, поднятую в небо чуть ли не на пять метров, американец Брэгг — прыгун с шестом — издал пронзительный клич. Еще бы, сбывается его мечта: теперь он обязательно сыграет роль Тарзана в Голливуде. Уже есть заманчивые предложения, но он, Брэгг, не такой уж дурак, чтобы хвататься за первое попавшееся, он выберет самое выгодное...

И каким замечательным контрастом, какой большой любовью и уважением к спорту, человеческим достоинством отмечены слова великолепного советского спорт-

смена Сергея Филатова. Когда его, нового олимпийского чемпиона, доказавшего силу и прогрессивность советской школы верховой езды, окружили журналисты, он сказал: участие в играх — большая честь, победа — счастье. Ведь это победа в честной борьбе, ведь это доказательство силы человека. Вот почему он отдаст все силы, чтобы подготовиться к следующим олимпийским играм своего сына. Хочется, чтобы и он испытал это счастье в честной борьбе доказывать величайшие возможности человека.

Неугасимый олимпийский огонь снова демонстрировал миру победу дружбы молодежи разных стран, разных континентов. А каждый из нас, советских людей, испытывал радость от сознания того, что, пожалуй, самый большой вклад в укрепление этой дружбы внесли замечательные спортсмены и добрые друзья — «олимпийцы» Советского Союза, покорившие сердца римлян своей дружеской расположенностью ко всем простым людям, сплоченностью, коллективизмом, бескорыстным желанием помочь, подбодрить.

ФЛАГ РОДИНЫ

Джон Томас был неоспоримым фаворитом Рима. Очень хорошо помню вечер, когда увидел его впервые. Это произошло в «Палаццетто делло спорт».

Отсидев три баскетбольных матча, которые разрешалось смотреть на один билет стоимостью в 2.000 лир (простой итальянец может прожить на эти деньги два дня), мы решили попытаться судьбу и попасть на вечерние матчи, когда выступала наша команда.

И счастье улыбнулось нам. Советские легкоатлеты Компанеев, Петренко, гимнасты Шахлин, Азарян, у которых боевые схватки были еще впереди, тоже пришли поболеть за своих, благо олимпийская деревня — под боком у «Палаццетто».

Да простят нам бдительные римские контролеры небольшую хитрость: скромно предъявив им удостоверения участников олимпийских игр, которые нам на минутку одолжили советские спортсмены, мы проникли в зал и активно включились в напряженную «работу» болельщиков.

А «работать» приходилось на все двести процентов. Дела у наших баскетболистов не клеились: то до Яниса Круминьша никак мяч не дойдет, то Зубков издалека «промажет». А бразильцы были действительно хороши. И хоть крики «Бра-зи-ли-я» отдавались в сердце зубной болью, мы тоже аплодировали удачным броскам, поддерживая авторитет объективных болельщиков.

И вот в один из самых критических моментов у щита нашей команды в зале появился Томас. Его двухметровая фигура, увенчанная белой шляпой, сразу же приковала к себе взоры всего зала. Многие повскакали с мест, чтобы получше рассмотреть «феноменальное чудо». Честно говоря, не только любопытство подняло людей со скамеек. Дело совсем в другом. Когда видишь таких замечательных спортсменов, как негр Джон Томас, начинаешь чувствовать, что ты и сам вдруг стал сильнее, ловче, выше...

... Римские сумерки быстро запеленали пепельными покрывалами огромный олимпийский стадион. Окрестные холмы, уже несколько дней сотрясаемые восторженными криками, еле угадывались вдаль. И сейчас над стадионом стоит восторженный гул. И только одна святая Мария, воздвигнутая на одном из холмов и ловко подсвеченная прожекторами, хранила гробовое молчание.

А 80.000 зрителей неистовствовали: шла великая битва за высоту. В секторе для прыжков сошлись сильнейшие в мире. Кто же окажется выше всех здесь, в секторе, и там, посередине зеленого поля на пьедестале почета?

Мы внимательно следили за вкрадчивыми, мягкими шагами Томаса, за бурным рывком Брумеля, за четким взлетом Шавлакадзе. И каждый прыжок спортсмена был повторен 80.000 раз, потому что в этот момент каждый из нас был прыгуном, каждый из нас взлетал над планкой. И каждый из нас в этот момент казался себе во сто раз ловчее, во сто раз сильнее.

... Высота 2 м 16 см. Уже очень, очень темно. Большой сбивает планку, плохо видную в стусившихся сумерках. И вслед за разочарованным вздохом всего стадиона над трибунами гремит:

— Люче! Файер! Люмьер!

Кричим и мы:

— Света! Света!

Вспыхнули прожекторы и с новой силой вспыхнула борьба. И в этой захватывающей борьбе победил наш Роберт Шавлакадзе.

За несколько дней до этого поединка советские спортсмены посетили тренировку американских прыгунов и видели, как по просьбе тренера Томас дважды невозможно преодолел планку на высоте 2 метра 15 сантиметров. Это была демонстрация великолепных физических данных. И некоторые газетчики на следующий день, не дав себе труда подумать, а, может быть, наоборот, хорошенько подумав, писали: «Тренировка Джона Томаса: дважды 2 м 15 см. Психологический шок порастил русских».

Так ли? В 19 часов 26 минут по средневропейскому времени аспирант из Тбилиси Роберт Шавлакадзе, преодолев планку на высоте 2 метра 16 сантиметров, стал олимпийским чемпионом.

Что это — счастливый случай, удача? Если так, то что же помогло Виктору Капитонову, преодолев смертельную усталость, пригнувшую его к рулю велосипеда, совершить сверхчеловеческий бросок на финише и начисто стереть ликующую улыбку с лица легендарного Трапе?

Нет, не удача была верной попутчицей Роберта и Виктора в тяжелой спортивной борьбе. В секторе для прыжков огромного «Стадио Олимпико» шло состязание не только хорошо тренированных бойцов, но и состязание духа.

Никогда нельзя точно сказать, о чем думает спортсмен, готовясь к решающему броску, но одно ясно и неоспоримо — чаще побеждает тот, кто сильнее духом, у кого крепче вера в себя, у кого больше мужества. А вера в себя и мужество рождаются не на пустом месте. Это дело рук десятков и сотен людей, тренеров, друзей и даже болельщиков. Тысячи добрых нитей соединяют спортсмена с тысячами людей, с Родиной. Да, одних физических данных далеко не всегда хватает.

И когда в остывающее итальянское небо под величественные звуки Гимна Родины плавно поднимался алый стяг с серпом и молотом, мы понимали — победил не только Роберт, победили все мы, победил наш советский спорт.

И самое чудесное было в том, что это прекрасно понимали и наши соседи по трибуне — простые итальянцы. Вместе с нами, стоя, они приветствовали советский флаг.

МЕЧТА МИЛЛИОНОВ

Вот и наступил последний «римский» вечер. Мы собрались в той же небольшой столовой нашего пансиона «Санта Андреа», где полмесяца назад, развернув на столе карту Рима, обсуждали первую прогулку по улицам вечного города, который готовился с рассветом встретить бегуна со священным олимпийским огнем.

Наша уютная, такая домашняя столовая, оклеенная полосатыми обоями... Старые гравюры на стенах... В первый вечер даже как-то и не верилось, что мы далеко-далеко от границ Родины, что из окон, прикрытых мирно поскрипывающими жалюзи, доносится шум чужого города.

Но вот последний вечер. И стены маленькой столовой словно раздвинулись, вместив бесконечную вереницу воспоминаний о днях, которые по насыщенности событиями и впечатлениями стоят добрых месяцев.

Да, разные чувства будоражили сердце в тот памятный прощальный вечер... За чуть распахнутыми окнами нашей столовой было хорошо видно желто-серое шестиэтажное здание, с плотно закрытыми ставнями. Это — французское представительство при Ватикане.

Папское карликовое государство. Его черная тень легла не только на Рим. Оно вонзило свои когти в землю многих стран, оно не преминуло урвать свой кусок даже от «большого пирога» — олимпиады. По требованию Ватикана олимпийский комитет арендовал для журналистов Домус-Мария, католический отель, где останавливаются приезжающие в Рим монахи.

Сколько раз на улицах и площадях итальянских городов мы встречали людей, облаченных в черные, коричневые, белые рясы, деловито приминавших своими сандалиями мягкий асфальт улиц или лихо мчавшихся на белых мотороллерах «Веспа».

Сколько горя, страдания принесли они своему народу.

...Экспресс «Рим—Вена» на бешеной скорости мчит-ся сквозь черные туннели, пробитые в теле Альп.

Звонким голосом наш проводник-итальянец поет для советских туристов неувядающую «Санта Люччию». Я смотрю на добротные возделанные поля в долинах. Вспоминаются виноградники Ассизи. И словно тень на солнце — всплывает в памяти и заслоняет собой все очкастое, сытое лицо брата Эрнеста.

Он показывал нам покой монастыря Сан-Франческо. В конце путешествия мы вышли на чудесную террасу, которая окружала монастырь. Отсюда, как из орлиного гнезда, хорошо были видны окрестные долины, где, несмотря на жару, крестьяне работали на виноградниках.

Брат Эрнест вместе с нами смотрел на чудесные долины. Трудно было угадать по его бесстрастному лицу, о чем он думал. Но я хорошо помню, о чем подумал сам в ту минуту.

— Послушай-ка, брат Эрнест, — мысленно говорил я ему, — а не снять ли тебе сутану, да не спуститься ли вниз к крестьянам и вместе с ними поработать. И не принесет ли больше пользы это тем, внизу, которые сейчас собирают гроздья черного винограда, так похожего на их глаза...

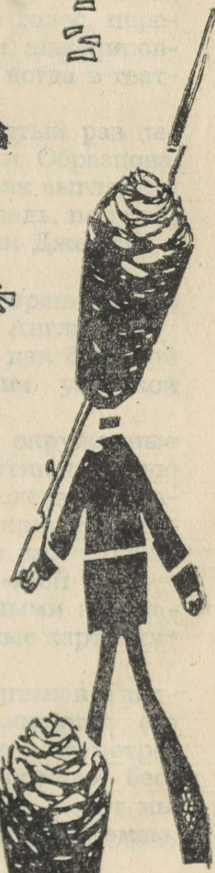
Вспомнились и часы, проведенные в ватиканском музее.

...Мы задержались у одного из раскрытых окон длинного зала, увешанного древними гобеленами. Из окна открывался чудесный вид на благоухающий парк. И посередине парка, из бело-красной пены роз, черным шипом вонзилась в небо мачта ватиканской радиостанции. День и ночь «отравляет» она эфир ложью о странах социалистического лагеря.

Тонкий, чудодейственный аромат цветущих роз, доносившийся в раскрытое окно, действовал как великое снадобье. Он словно снова вернул меня в только что покинутые залы, и я снова стоял перед великими фресками Рафаэля, снова видел «Адама» Микеланджело, видел великое утверждение жизни.

Никогда не забуду то душевное состояние, которое охватило меня в Сикстинской капелле. Здесь я поверил в слова «написано кровью сердца». Четыре года с кистью в руке пролежал старик Микеланджело на высо-

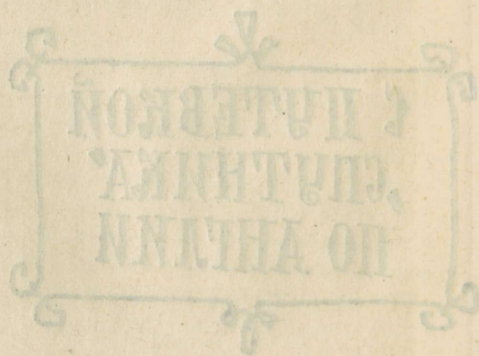

С ПУТЕВКОЙ
„СПУТНИКА“
ПО АНГЛИИ

17/11

ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА ТАУЭРА

Англия «началась» для нас, конечно, не в те минуты, когда мы увидели с борта парома «Король Артур» белые щеки ее берегов у Дувра.

Мы «встречались» с ней уже за школьной партой на уроках истории и географии, слушали ее голос, перелистывая страницы романов Голсуорси и шекспировских пьес, смотрели в глаза ее молодежи, когда в театрах ставили пьесы Осборна...

В экспрессе Москва—Берлин мы в десятый раз перелистывали страницы книг Маевского и Образцова, Матвеева и Кулешова... Мы даже знали как выглядела Пикадилли в тревожные дни войны, площадь, по которой гулял сарояновский американец Весли Джексон...

И все же Англия «началась» в Англии.

В Лондоне, в первое же утро мы отправились в Тауэр — своеобразный символ прошлого Англии.

...Автобус шумно вздохнул, заурчал и как большой корабль начал осторожно выбираться из узенькой улицы.

Слева и справа замелькали крылечки, окруженные небольшими садиками чуть ли не с пятикопеечную монету. Длинные дома, которые тянутся слева и справа, словно нарезаны ломтями. Каждое из крылечек ведет вас в жилье одной семьи. Каждое из них служит подтверждением английской пословицы «Мой дом — моя крепость». А над красными черепичными крышами — сотни глиняных труб. Это — «визитные карточки» лондонских каминов.

Вот уже в окна доносится шёпот каштанов Гайд-парка, к бокам нашего автобуса прижимаются его двухэтажные «коллеги». Плывут мимо окон стометровые витрины Оксфорд-стрит, улицы на которой бессмысленно появляться с тощим кошельком. И вот мы уже смотрим в коричневые глаза старушки Темзы,

опоясанной всемирноизвестными мостами. На берегу хмурой серой громадой высится Тауэр.

Центральная башня Тауэра поделена на четыре этажа. Первый. Здесь короны. Они величественно сверкают из-за толстого стекла алмазами, рубинами, бриллиантами с голубиное яйцо. Ярко освещенные, они торжественно улыбаются своими золотыми боками.

Под ногами крутятся рыжеволосые ребятишки в куцых пиджачках. Суровый йомен — хранитель прошлого и традиций, один из стражей Тауэра с трудом «отдирает» любопытных ребятишек от толстого стекла витрины.

Смотреть на короны и золотые вазы мне тоже любопытно, но лучше смотреть на рыжеволосых ребятишек. За витриной — прошлое Англии. Они — будущее. Кровавые рубины на коронах, не будь поблизости йоменов, могли бы рассказать о прошлом страны, выставившей их на показ, многое такое, что заставило бы покраснеть даже кристально чистые алмазы.

За витриной — прошлое. Напротив — будущее. Этих рыжеволосых ребятишек короновала сама природа. Какую память оставят они миру после себя?

...Второй этаж. Секиры и рыцарские доспехи. Кони и люди в железной чешуе, мечи и щиты. Здесь булат, добывавший то золото, что сверкает этажом ниже.

И кажется, что по залу плавает еле уловимый запах жженого сандалового дерева — запах Востока. Служитель в черном сюртуке, черной фуражке, собирая в гармошку кустистые брови и удивленно топорща усы тоже принюхивается и недоуменно говорит:

— «Ноу, о кей, все в порядке», — и пожимает плечами.

Но всего двадцать ступенек вверх — и третий этаж. Здесь церковь. Здесь, коленопреклоненными, рыцари проводили ночи перед большими походами на Восток. И сюда же они возвращались, принося на своих доспехах сладко-горький запах сандала.

А вот и последний этаж. Сквозь неширокие бойницы к нам протянуло свои трепетные руки солнце, золотые блики лежат на темносиних куртках школьниц, окруживших один из стендов, где на порыжелом бархате возлежит старинный меч. Ученицы записывают в тетради рассказ учителя о далеких днях, когда их предки

такими же мечами добывали богатство и славу... Я смотрю в тетрадку одной из учениц. Она казалось бы тоже слушает учителя, но она рисует дом. Самый обыкновенный. Из трубы идет дым. Спокойные облака зацепились за деревья.

Я видел будущих граждан Англии там, где хранятся короны, хвастливо выставляя напоказ свое золотое величие. Я видел будущих граждан Англии и там, где спят мечи, добывавшие золото и нелестную славу... И я видел как маленькая англичанка рисовала в своей тетрадке дом с мирным дымом из трубы, веселые облака и дерево. Возможно, эта страничка с рисунком — страничка книги о будущей Англии... И в это веришь.

Эту книгу пишут тысячи англичан. Когда мать пятых детей, учительницу Пэт О'Коннел, которая возглавила поход протеста против американской базы подводных лодок в заливе Холи-Лох, спросили, что дало ей силы сквозь дожди и наперекор ветрам преодолеть сотни километров от Лондона до Шотландии, она ответила: «Будущее моих детей и будущее всех детей мира».

ГОЛУБИ И ВОРОНЫ

Когда мы вышли из башни на залитый солнцем двор старейшей в Англии тюрьмы Тауэр, было время развода караула. Эта церемония повторяется вот уже 700 лет. Бравые гвардейцы огромного роста в красных мундирах и высоченных медвежьих шапках с ремешком под нижней губой, добела истоптали серую брусчатку двора, выполняя каждый день многочисленные ритуалы охраны крепости. Это, пожалуй, самая традиционная английская традиция — марширующие гвардейцы у замка Тауэр, у замков резиденций королей.

Англия, как известно, славится своими традициями, часть из которых просто не может не вызывать симпатии. Это и спортивное воспитание, и скромность в одежде (увидеть на городских улицах Англии «стиляг» или «пижонов» дело весьма сложное, хотя, все же, выполнимое), постоянные часы еды и умеренность в потреблении пищи (впрочем, корни этой традиции возможно уходят в английскую землю, которая не в состоянии прокормить всех англичан).

Но есть традиции просто непонятные нам, да вряд ли понятные и самим англичанам, хотя и строго соблюдаемые. Это обязательные котелки и зонтики при любой погоде — символы истого лондонца, и архаичность многих английских законов, и чисто механическое объединение колледжей в известные университеты, и многое, многое другое. Чудесно охарактеризовал совокупность английских традиций Сергей Образцов в своей книге «О том, что я увидел, узнал и понял во время двух поездок в Лондон». Он писал, что «...традиции бывают живые и мертвые. Живые традиции — это артерии, питающие организм. Мертвые традиции — это те же артерии, но окаменевшие, застывшие, не пропускающие, а задерживающие жизнь. — Это артериосклероз».

Церемонию гвардейских маршей при всей ее привлекательности для туристов стоило бы отнести к разряду окаменевших традиций. Гвардейцам по уставу не разрешается ни один лишний жест, ни одно лишнее движение, которые не были предусмотрены 700 лет назад. Вот и стоит этакий детина под два метра, с медвежьей шапкой надвинутой прямо на глаза, как истукан. Потом нелепо подпрыгнет, сделает несколько шагов и снова окаменеет.

Мне порядком надоело смотреть на это подпрыгивание. И вместе с ребятишками, мы, туристы, занялись кормлением голубей. На лужайку неожиданно прилетело несколько ворон. Таких раньше мне не приходилось видеть. Они раза в два больше наших и... оказались тоже традицией. Всего их в Тауэре не то двенадцать, не то тринадцать. За ними ухаживает специальный служитель. Они символизируют могущество Англии. Существует предание, что когда их не станет — кончится и английское величие.

Но очень юные англичане, каждому из них было лет по пяти, весьма небрежно отогнали ворон и продолжали кормить голубей. Эта сцена мне здорово понравилась. И совсем не потому, что я таю какое-то зло против ворон вообще, а против английских в особенности. Просто голубь очень хороший символ во всем мире. И так хотелось, чтобы эта символическая сценка превратилась бы в хорошую традицию для всех англичан. В ту, которая дает питательные соки, а не пытается демонстрировать прошлое могущество, порой в нелепом и смещ-

ном виде. Ведь не случайно некоторые шутники объясняя частичное изменение церемонии смены караула у Букингемского дворца королевы (раньше развод караула производился перед позолоченной решеткой, а теперь за ней, непосредственно перед дворцом), приводят следующий эпизод:

Зная, что гвардеец по уставу «мумия», одна не по летам темпераментная американская туристка решила оставить себе в память об Англии фотографию, где она дергает королевского гвардейца за нос. Дело кончилось тем, что «мумия» чуть раньше решила совершить маршировку и чуть выше подняла при этом колено. Дама совершила неожиданный и великолепный кульбит, пролетев метра два в воздухе. Был шум, были ноты. И с тех пор гвардейцы отгорожены замковой решеткой, а смельчак, как уверяют, получил медаль. Злые языки утверждают — за патриотизм. Не знаю, нужно ли было давать медаль? Но руку парню стоило пожать. Конечно, не за патриотизм, а по сугубо другим мотивам. В этом поступке скорее всего можно увидеть желание покончить с чепуховиной, желание вернуться к трезвости. Для меня она символично выражена в сценке кормления голубей юными английскими гражданами.

Есть еще одна традиция, о которой нельзя не рассказать. Правда, она не чисто английская, хотя и здесь поддерживается. Ее можно выразить словами «ноу политикс». Это тоже традиция, потому что ее старательно культивируют, также, как и стремление к спорту.

И все же людей, готовых поддерживать и кормить голубей в самом широком смысле этого слова, в Англии с каждым годом становится все больше и больше.

... Мы сидим с Тони, в «паблик баре» и пьем пиво с лимонадом. Тони студент второго курса Лондонского университета, изучает русский язык, специализируется по Льву Толстому (из сегодняшних писателей знает Шолохова и ... Пастернака). Тони, разумеется, «ноу политикс». Мы сидим в том самом баре, где он в свободное время подрабатывает несколько фунтов в роли бармена. (Наверно это хороший довесок к его стипендии). Пиво с лимонадом — совсем неплохо. Бокал чистого пива, который теперь уже я предлагаю ему — еще луч-

ше. Вообще-то Тони весьма дружелюбен к советским ребятам. Прикалываю к его шерстяному свитеру значок «Спутник» и поднимаю тост за то, чтобы вместе с ним в одной ракете совершить путешествие на Луну. Тони поднимает бокал, отрицательно качает головой и с хорошим английским юмором, в котором любой легко заметит добрую порцию зависти и разочарования, говорит:

— Мне там места нет. Я англичанин. Полетите вы, советские, или американцы. Наверно, вы!

В дискуссии о молодежи и будущем на страницах журнала «Иностранная литература» английская писательница Памела Хэнсфорд-Джонсон писала в октябре 1960 года: «Живой, развитой, образованной молодежи необходимо дать в руки «нечто», ради чего стоит жить. И это «нечто» должно быть активной целью, частью общественной жизни».

А в действительности так получается не всегда. Часть английской молодежи, ждавшая от послевоенного правительства лейбористов исполнения многих обещаний, получила совсем другое — американские базы, Суэцкую авантюру, безработицу. Эта молодежь презирает обывателей, ненавидит самодовольных политиков. Она ищет источника гражданского воодушевления. Ищет и не всегда находит на своей родной почве. Об этом писали участники дискуссии, которая развернулась на страницах того же номера журнала. Это мы почувствовали и в самой Англии.

Цель в жизни! Это дерево не взрастить, поливая землю бесплодным дождем аполитичности. В дождливой Англии дождь, который мог бы обогатить души молодежи, исключение. Такой дождь пронесся над британскими островами 12 апреля, когда весь мир был потрясен подвигом Советского Союза, подвигом Юрия Гагарина, свершившим великое деяние во имя мира. И это совсем не шутка, что студенты Кингс-колледжа в Ньюкасле, избирая своего студенческого президента, выдвинули кандидатуру Юрия Гагарина.

Молодой Англии нужен деятельный герой, которому хотелось бы следовать в поисках цели и смысла жизни.

И с каждым днем в Англии становится все больше и больше молодых людей, которые не только ищут, но уже обрели цель и смысл жизни.

Одна из них — Дженни Клаверинг, коммунистка, студентка Лондонского университета. Мы познакомились с ней на ступеньках центрального здания университета. Она продавала «Дейли Уоркер». Один из номеров газеты, которую ей было поручено распространять, стал моим самым дорогим английским сувениром.

И он — этот номер газеты — еще раз подтвердил, что простая бытовая сценка, невольным свидетелем которой я стал — дети на дворе старейшей тюрьмы Англии — Тауэр кормят голубей — не просто бытовая, а, пожалуй — именно такова, какой мне ее и хотелось видеть.

Эта сценка — символическая.

У КАМИНА

На традиционный, во всю комнату, английский ковер, у камина, нам удалось сесть вечером того дня, когда нас высадили из автобуса в центре Лондона, и гид торжественно объявил: «Вы стоите у парламента».

Над нашими головами, в скучноватом сером небе, часы Биг-Бена густым, неторопливым боем напоминали лондонцам о том, что прожит еще один час.

Под звуки торжественного боя мы вошли через королевский подъезд в святая-святых — красновиданную четырехугольную палату лордов с королевским тронном. . . Посидели по-очереди около трона на красной подушке спикера — подушке с шерстью, пытаюсь осознать величие этой минуты, и пошли дальше смотреть в палате общин тот зеленый диван, на котором сидит сам Черчилль.

Закончили мы «свой поход» в Вестминстерском аббатстве, где покоится прах многих «великих», среди них Диккенс и Скотт, величие которых всемирно известно, и другие, величие которых определялось толщиной их кошелька.

У парламента, напротив железного Ричарда Львиное Сердце, который сидит на железном коне, мы и получили от Тони приглашение погулять по городу пешком и посетить его дом.

После обеда, одев белые рубашки и тщательно начистив ботинки, мы отправились в гости. Долго тряслись в

захламленных вагонах подземки, переходили со станции на станцию, дивясь рекламе, заменившей здесь наш мрамор. И, наконец, в огромном лифте поднялись наверх и попали на Пикадилли-серкус, озаренную поддельным солнцем тысяч реклам: танцующая бутылка «кока-колы» бесстыдно сбросила с себя краснолиловое неоновое платье и лихо улыбается белому бокалу «Мартеля», бешено крутится зеленая неоновая шина «Денлоп». Растерявшись среди этой свистопляски рекламы, бронзовый Эрос — бог любви — стоящий в центре площади, явно ошибочно пустил свою стрелу в черную полицейскую машину...

По прилегающим к площади улицам, растекается разноязычная толпа, такая же яркая, как и реклама над ней. Но если попробовать расчленить ее на отдельные личности, то частенько «взгляд споткнется» на старомодных пиджаках, отметит непомерно широкие брюки, всевозможные полосатые рубахи.

Слушая жалобный оркестрик инвалидов, преградивший нам путь в самом устье сногшибательной Оксфорд-стрит, я невольно отмечал про себя как правильно не советовал один из наших писателей в своей книге об Англии «... представлять английскую толпу по понятиям того лакея из «Вишневого сада», который говорил, что «за границей все давно уже в полной комплектации».

От этих мыслей меня оторвал в буквальном смысле этого слова, так здорово тянул за пиджак, невысокий старик с крючковатым носом. Он предложил нам взглянуть на его лоток. Когда же он узнал, что мы из Советского Союза, то чуть ли не захлопал в ладоши.

... Вот так встреча: на лотке лежали книги о Советских Социалистических Республиках и среди них — зеленая книжка, на обложке которой было написано:

The fifteen Soviet Republics today and tomorrow. Estonia. Wonderful present — marvellous future by Alexei Murisep... (Пятнадцать Союзных республик сегодня и завтра. Эстония. Прекрасное сегодняшнее, чудесное завтра. Алексей Мююрисеп).

Продавец, армянин по национальности, был счастлив, что его «товар» пришелся нам по душе. Еще больше его обрадовало то, что я купил зеленую книгу. Он все пытался вернуть в свою английскую речь хотя бы не-

сколько армянских слов, но, у него это плохо получалось. Все же мы поняли, что совсем скоро он уедет отсюда навсегда в Советскую Армению.

Старик страшно горевал, что у него не оказалось под рукой книги про Армению, зато он усиленно предлагал мне напоследок купить книгу про Грузию.

— Джорджия, Джорджия* — гортанно выкрикивал старик. Обижать его не хотелось, но еще больше не хотелось обделять лондонцев. Кое-кому из них прочесть такую книгу было бы куда полезнее.

Дело в том, что мой друг, который работает в Лондоне уже несколько лет, рассказал такой случай. Как-то он с женой пошел на концерт грузинского ансамбля, который гастролировал в Англии. Респектабельная, и видимо не бедная женщина, была чем-то настолько взволнована, что, нарушая все английские каноны приличия, обратилась к своему соседу, а им оказался мой друг, с таким восклицанием:

— О, неправда ли, эти американцы из штата Джорджия слишком черны для американцев и невероятно усыаты!?. . .

Вот почему я и оставил книжку о Грузии для тех лондонцев, которым стоило бы больше знать о советских республиках и меньше путать Джорджию с американским штатом Джорджия. Старику же армянину мы пожелали всего наилучшего и счастливого возвращения на Родину.

И вспомнилось в эти минуты выступление Никиты Сергеевича Хрущева в Ереване, когда Советская Армения праздновала свое сорокалетие. Никита Сергеевич говорил о ласточке, что далеко-далеко разносит весть о счастливой доле армян в Советском Союзе. Долетела эта ласточка и до берегов Темзы.

. . . Мы бредем наугад по Гайд-парку. И очень рады, что вырвались сюда, на зеленый простор, окунулись в шум листвы, слышим детский гомон. Часа полтора назад, устав бродить по городу, мы зашли с нашим добровольным гидом Тони, в один из кинотеатриков, где сеансы идут один за другим без перерыва. Просмотрели один из фильмов: он, она, любовь, мчатся машины и, вобщем, «хеппи энд». А потом пошел такой фильм, что

* Джорджия — Грузия (анг.).

самая смертельная усталость не заставила бы нас продолжать отдых.

Суть фильма заключалась в том, что нудисты решили немного поагитировать за свой образ поведения и начали бегать на экране голиком. Эта беготня оставляла на душе гадливое чувство. И как хорошо нам дышалось в парке...

... Переполненные впечатлениями и порядком уставшие от них, мы с удовольствием приняли предложение Тони посидеть в столовой в кругу семьи и выпить традиционную чашку английского чая с молоком.

Приятно потрескивал уголь в плите. Сестры Тони, которые оказались дома, все подливали нам чай в чашки. Медленно разматывался клубок разговора. Легче «заговорилось», когда мы перешли в гостиную и уселись прямо на ковре рядом с камином, напротив телевизора, удобно вытянув уставшие ноги.

Чтобы «поддать пару» нашей беседе, Тони щелкнул рычажком телевизора. Замерцал экран. И через минуту нам в лицо уставилось револьверное дуло.

Да, нечего сказать, развеселил.

Память подсказывает выкладки Мати Крозиера из «Гардиан», который посидев неделю у телевизора с блокнотом и карандашом в руках, преподнес читателям следующий вопрос:

— Что за одну неделю может увидеть англичанин на экране телевизионной кампании «Би-Би-Си» или коммерческого телевидения?

И вот как он сам на него ответил: выстрелы 38 (Би-Би-Си) и 68 (коммерческое телевидение), сильное избиение 2 и 3; пьянки — 18 и 67.

Думаю, что не стоит приводить еще и количество всех заколотых, получивших пощечины и т. д.

— Тони, послушай, есть сейчас на лондонском экране хотя бы два-три стоящих фильма. Мы же видели у себя дома хорошие ваши фильмы?

Тони теребит свой рыжий вихор.

— Есть.

— Это «Субботний вечер и воскресное утро»?

Тони смеется.

— Еще и еще лучше. «Броненосец Потемкин».

ДЕСЯТЬ ФУНТОВ

Пересказать нашу беседу в гостиной дома, где живет Тони, необычайно трудно. Но то, о чем мы говорили в тот памятный вечер и многие другие беседы очень хорошо мне вспомнилось, когда, вернувшись из Англии, я побывал в Москве на английской торгово-промышленной выставке и прочел полученную там на память брошюру «Великобритания сегодня».

В начале брошюры были помещены отрывки из выступления премьер-министра Великобритании господина Макмиллана по телевидению в Москве второго марта 1959 года, специально дополненные им последними статистическими данными.

Английский премьер говорил о том, что Англия всего лишь в пять раз больше Московской области, но населена 52 миллионами человек. Не имея, помимо угля и незначительных запасов железной руды, других природных богатств, Англия «с пеленок» должна была опираться на высокое мастерство рук и изобретательность ума самих «детей Альбиона». Исходя из этого следовал вывод — «маленький остров явился родиной некоторых величайших в мире изобретений». Было бы глупо не соглашаться, что Англия действительно родина многих изобретений. Но, соглашаясь с господином Макмилланом в том, что «уровень жизни в Великобритании, в самом деле, — самый высокий в Европе», было бы неверным, так же, как и он, «забывать» и о другом. Большая часть действительно великолепных изобретений, достижений ума и рук простых англичан была использована как средство порабощения других народов, как средство обогащения за их счет.

А теперь о самом жизненном уровне; который, конечно, достаточно высок, но не настолько, как это пытается представить премьер-министр.

Если господин Макмиллан брал за основу бюджет семей, подобных той, в которой мы побывали в гостях и где смотрели телевизионные программы, то тут еще есть кое-какие основания для оптимизма. 35-37 фунтов в неделю (отец работает инженером в ночную смену за 30 фунтов, кое-что приносит домой старшая сестра и ее муж) не такие уж плохие деньги для семи человек. А сколько стоит жилье?! Я далеко не уверен, что сам

Тони не ведет счет кружкам пива, которые ему «положено» выпить за неделю.

Но доход семьи Тони чуть ли не в четыре раза превосходит средний для Англии десятифунтовый недельный бюджет. А вот, опять же средние нормы расходов: дорога ежедневно 1 шиллинг, квартира в месяц 12 фунтов, электричество, вода — 2,5 фунта, подоходный налог 4 фунта, страховка, пенсионный и больничные сборы — 3 фунта. И это без еды, кино и театра (по нашему мнению слишком дорогих), сигарет (больше, чем слишком дорогих) и традиционного пива (еще немножко больше, чем слишком дорогого). Ну, а дальше пива вообще нет смысла забираться.

Разумеется, тому, кто имеет работу, жить можно, но нужно и работать как следует и, кроме того... экономить. Не случайно англичанин всегда точно знает не только сколько у него денег с собой, но и в каком они кармане. А бывает и так, что точно знает и то, сколько у него карманов и то, что в карманах этих ничего нет. Чаще всего это случается с теми, кто занят сейчас в автомобильной промышленности (особенно в районе города Ковентри) и в угольной. 2,5 фунта пособия по безработице — не очень густо. А что делать, когда кончится срок ее выплаты?

Если даже рассматривать жизненный уровень по-макмиллановски — вообще — и принять его критерии, его оценку, то и тогда стоит о многом поспорить.

Строятся новые дома?! Но ведь квартиры в них слишком дороги. Это не случайность, что 400 тысяч негров, которые несут на себе весь груз грязных работ, живут в страшной тесноте самого захудалого района, в Паддингтоне. Я уже не говорю о том, как часто им приходится терпеть оскорбления просто за то, что они черные. Разумеется, дискриминация здесь проводится не по-американски, а чуть вежливее. Но не все ли равно как тебе дадут пощечину — голой рукой, или одев предварительно перчатку.

Пощечина, предназначенная неграм, живущим в Англии, выражена в лозунге отечественного фашиста сэра Мосли. Перефразировав старое английское изречение, встречающееся в парках «Содержи Англию в чистоте», он бросил своим приверженцам, к счастью не так уж многочисленным, лозунг: «Содержи Англию белой». По-

ра бы понять сразу Мосли, его сынку и им подобным, что время таких лозунгов проходит. И не только в колониях, но и в самой Англии. Это убедительно подтвердила нам лаконичная надпись мелом на вагонных дверях метро: «Мосли нет!». Об этом рассказала мощная демонстрация: за гробом негра, убитого расистами, шел весь Паддингтон...

Я немного отклонился в сторону от критериев господина Макмиллана, но, честно говоря, это отклонение необходимо для небольшой характеристики подлинной демократии, восхвалением которой является все выступление господина премьер-министра...

Заканчивая разговор об уровнях жизни, хотелось бы сказать, что как-то трудно мириться с понятием уровня жизни, исходя только из того: столько-то получаю, столько-то плачу. Трудно перечислить те блага, которые дал трудящимся нашей страны социализм. У нас осуществлен переход на семи- и шестичасовой рабочий день, впервые в истории человечества принят и проводится в жизнь закон об отмене налогов. Плюс к этому — бесплатное образование, бесплатная медицинская помощь, широкое государственное пенсионное обеспечение и многое, многое другое.

И все же в наше время, когда столько стран земли строят социализм, когда наша Родина, приняв на вооружение Программу Коммунистической партии Советского Союза, строит уже коммунизм, в определении уровня жизни куда большую роль стоило бы отводить, по-моему, критериям духовного порядка.

Пойти в театр для нас, например, дело привычное. А вот недавно мы у себя в Таллине принимали молодежную делегацию из финского города Котка. Член этой делегации, учитель, впервые в жизни и не у себя, а у нас слушал оперу. В квартире Тони слишком мало книг. Их мало в студенческих общежитиях английских колледжей, очень мало. Да и стоят они здесь безобразно дорого. А когда я плавал на одном из многих небольших судов нашего Эстонского пароходства, то хорошо помню — в каютах книг было много. Они были даже у юнги. И среди них произведения классиков английской литературы, при чем на английском языке. Вот так. И уж если говорить честно, то можно носить иногда ботинки хуже, чем у кого-то, костюм не такой мод-

ный, как у кого-то, но никогда не согласишься поменять свой уровень жизни на уровень этого самого «кого-то»...

Помните Грибачева?..

И что до того, как мы одеты и стрижены
И дождь или звезды ловим в ладони рук?
За землю свою умереть мы готовы дважды
и трижды
и вынести мучительнейшую из мук.

И, конечно, мы вполне согласны с господином Макмилланом, когда он утверждает, что «народу, который живет торговлей, необходим мир. Ему также необходимо, чтобы и другие народы процветали... Вот почему мы приветствуем соревнование в области экономики. Мы считаем, что оно приносит пользу нам всем».

Очень хорошо, а с добавлением, что не единой торговлей крепится дружба и взаимопонимание между народами — совсем хорошо. Об этом мы договорились в семье Тони. И это больше, чем камин, согрело нас в тот вечер, проведенный в английской семье.

ВЫ ВЕРИТЕ В ЖИЗНЬ, И ВЫ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Наш автобус покидает Лондон. Лондон не покидает нас: все дома, дома, крылечки, садики... Солнце то выглядывает, то спрячется. Над нами идет на посадку «ТУ», и мы поем ему в догонку звонкие песни... И почти беспричинно смеемся за обеденным столом в маленьком городишке, где-то в центре Англии.

Мы едем в Ньюкасл, мы едем к людям. В нашей группе в среднем каждому — двадцать с небольшим. Мы только что вошли в жизнь, наша дорога ясна и понятна. Но мы знаем — ее могут пересечь дороги других, кто живет за нашей границей. Кого мы встретим на этих перекрестках? Друзей? Врагов?

Мы едем узнавать, нас ждут студенты средней Англии. И пусть лондонские музеи простят нас за негрустное расставание. В этих музеях нам было чаще хорошо, чем плохо. Но музеи — музеями, а жизнь... В конце концов, дорогие музеи, мы совсем и не уезжаем от вас, просто хочется знать, какие музеи на земле оставим мы сами и все те, которым сейчас нет еще тридцати...

Наконец-то река Тайн, горбатый мост, наконец-то Ньюкасл.

В холле гостиницы нас встречает Председатель совета представителей студентов Брайн Шолкрос, его друзья Маргарэт и Мэри. Мы получаем папки с каталогами, картами, студенческими газетами, брошюрами по истории Кингс-колледжа.

Отпивая небольшими глотками пиво из высоких кружек, раскладываем на коленях содержимое папок. Юнец-репортер из местной «The Journal» осведомляется, что мы поняли в Англии, любопытствует как нам нравятся английские девушки, каков вкус у местного пива...

А мы читаем белый листок бумаги, на котором Шолкрос собственноручно для каждого из нас писал: «Дорогой Товарищ! Позвольте приветствовать Вас в Ньюкасле...», улыбаемся и думаем — хорошее начало.

Веселой и дружной гурьбой мы едем домой к Брайну, сняв ботинки танцуем на традиционном английском ковре, перебрасываемся шутками, с нами вместе смеются хозяин и его друзья. И только иногда ловишь в глазах вопрос: какие же вы?

Вот улыбается разгоряченная танцем Маргарэт, а в ее глазах цвета спелой вишни густеет настроенное внимание...

Но снова кто-то шутит... Дискуссии — завтра, а сегодня уже поздно, и мы прощаемся.

В коридоре в деревянных рамах вместо холстов висят уродцы, сплетенные из проволоки убогими художниками-модернистами. То ли люди, то ли нет. Больше всего похоже на большого паука, который нечаянно сам запутался в своем металлическом кружеве. Вот если бы всем, как поется в песне, «парням земли» засучить рукава и поработать на славу несколько дней, выгребая хлам, что мешает нам хорошо понимать друг друга, скрутить бы этот хлам как следует, понаделать из него уродцев на устрашение и смешную память, да и повесить где-нибудь в коридоре, или как здесь, в самом подходящем месте: напротив ванной и туалета...

...Студенты и преподаватели Кингс-колледжа встречают нас в торжественном зале мужского клуба. Поверх совершенно разнохарактерных пиджаков одеты одинаковые черные крылатки. С бокалами черри в руках,

окруженные «чернокрылыми» студентами, мы вступаем в разговор, который носит пока явно разведывательный характер и в котором чаще всего преобладают восклицания «О...», «а...».

Постепенно разговор переходит на литературу, немного кружится вокруг Шолохова и, за отсутствием достаточного энтузиазма со стороны студентов, резко идет вниз. И уже задан вопрос о стоимости ботинок.

Но все это только начало. Теперь по программе положен обед, и мы идем в огромную столовую, в торжественном молчании стоим за длинными столами, пока не появляются в зале профессора и не подается молитвенным голосом команда приступить к трапезе.

Несут гороховый суп. Здравствуй, приятель, мы не расстаемся с тобой уже несколько дней... Едим также хорошо знакомый нам салат. А потом наступает время пива.

И, наконец-то, мы идем вместе со студентами в их общежитие, древнее краснокирпичное здание.

В комнате на двоих, нас — хозяев и гостей — человек десять. Мы рассаживаемся поудобнее. Прямо на кроватях. По кругу пошли советские и английские сигареты, на полу — ящик для сора — наша коллективная пепельница. Голубые струйки дыма от наших и ненаших сигарет, смешиваясь вместе, мирно улетали в раскрытое окно. И как-то также непринужденно «сплелся» наш разговор, хотя и он временами, как и дым, когда забегал в раскрытое окно вечерний ветерок, резко «подлетал» до потолка, прекращая на время свое плавное и легкое течение...

— Как живут наши студенты или лучше всего вообще — кто они такие?

Отвечаем пространно и прекрасно понимаем суть этого вопроса. До колледжа мы побывали в нескольких английских школах совершенно разного направления. Наглядно убедились, что они делятся в основном на две группы: одна для обеспеченных, другая — для бедных. И в соответствии с этим легко могли себе представить насколько тернист, а временами и просто недоступен путь из бедняцкого квартала пригорода в почтенные стены старого колледжа. И, действительно, посудите сами: около десяти процентов английских учащихся посещают частные и привилегированные школы, исполь-

зую для этого толстый кошелек своих родителей. Более толстый кошелек может открыть двери даже таких «заоблачных» для среднего англичанина частных школ, как Итон, Хэрроу, Уинчестер, во многих из которых, по велению традиций, маленьких карапузов одевают во фрак и на вихры нахлобучивают цилиндр. Свое, особое место занимает и «граммар-скул», гимназия, дающая, как и богатые частные школы, право на поступление в высшие учебные заведения. Вся остальная масса английских малышей по утрам шагает в разные церковные, технические и так называемые «модерн-скул».

Кошелек во многих случаях определяет «быть или не быть» тебе с высшим образованием. Этот кошелек узаконил в стране и так называемый «метод тестов». «Метод» этот заключается в том, что мальчику или девочке десяти лет, когда они оканчивают обязательную для всех начальную школу, куда пришли пятилетними малышами, предлагают в качестве проверки их интеллекта, что-то около четырехсот вопросов, на которые нужно незамедлительно отвечать. Вопросы разные, чаще сверхудивительные, например: «Что общего между коровой, воробьем и змеей?». Вряд ли все, кто сидел в тот памятный вечер в студенческой комнатухе, сумели бы ответить так, чтобы удовлетворить экзаменационную комиссию. Оказывается ей хотелось услышать в ответ такую фразу: «Все они — живые существа». Но это — курьезы, правда, не очень веселые, а истинное значение «тестов», конечно, состоит в том, что дети более обеспеченных родителей, по вполне понятным причинам, легче справляются с вопросами.

«Метод тестов» — это тот политический светофор, который очень легко позволяет одним открыть зеленую дорогу в будущее, а других — «перевести на узкоколейку», ведущую только к воротам заводов, шахт, ферм. Не было б в этом ничего особенно страшного, если бы получение диплома специалиста теми, кто одновременно работает у станка, не являлось бы для Англии неслыханным делом. Ведь рабочий, читающий лекции студентам о новых методах, примененных им в своей трудовой практике, — для англичан — вообще сказка.

Вот почему нам вполне понятен был вопрос: «Кто такие советские студенты?». И также понятна была реак-

ция, когда выяснилось, что среди нас есть студенты-рабочие.

... Своеобразным ветерком, «взметнувшим» наш разговор к потолку, был вопрос взаимоотношения стран социалистического лагеря со странами капитализма. Пока наши ребята спокойно и толково рассказывали студентам ту правду, о которой те и «слыхом не слыхивали», черпая свои знания, в основном, из аршинных заголовков правых газет с сенсационными сообщениями, я смотрел на юношу, который задал этот вопрос. На курносый веснушчатый нос одеты очки в круглой оправе. Из-за стекол на нас смотрят внимательные вопрошающие глаза. Нет, это — не глаза недруга. Парень просто хочет знать правду, и чувствуется, что он далеко не так наивен, чтобы полностью доверять правой печати.

Да, в незавидное положение частенько ставят своих читателей многие английские газеты, — эти, по меткой характеристике Образцова, собрания «осколков кривых зеркал».

Неудивительно в связи со всем этим было нам узнать, что и о недавнем процессе у нас в Таллине над законренелыми убийцами-фашистами Вийком, Герретсом и Мере английские газеты, притом далеко не все, сообщали бледным петитом на последних страницах среди вороха заметок в духе: «Иду пешком в Уэльс, ищу попутчиков», а так называемое «опровержение» самого Мере было дано уже куда ярче и не по соседству с набором из глупых инфомаций.

Конечно, газетами, а не письмом друга, как нам это преподнесли, был рожден и другой вопрос, ветерком ворвавшийся в наш разговор.

С нами в комнате были два негра, которые обучаются в Кингс-колледже. И тот самый, который за обедом, не желая отставать от других, старательно заказывал мне пиво, потряхивая портмоне, сказал: «Мой друг в письме сообщал из Москвы, что одна девушка отказалась с ним танцевать. Не есть ли это проявление нелюбви к цветным в России?»

Очень радостно, что эту «утку» оципали сами англичане, разразившись дружным хохотом. Но вопрос был задан неспроста. Перед этим мы сами ждали ответа, спросив у африканцев, как они относятся к Патрису Лумумбе. Ответ был для нас, только что приехавших из

Советского Союза, неожиданным, но вполне закономерным для этих двух. Звучал он примерно так: «Лумумба умер и с ним умерло его дело. . .»

Было бы наивно думать, что Англия, старейшая колониальная держава мира, не готовила раньше и не готовит сейчас кадры, которые помогали бы ей время от времени заштоповывать трещащее по всем швам «великое содружество наций».

А уж коль скоро речь зашла об отношении к цветным со стороны «белых», то тем двум, которые вели с нами дискуссию в студенческом общежитии, неплохо было бы прочесть недавно вышедшую в свет в прогрессивном английском издательстве книжку одного из их братьев по цвету кожи. Ему тоже удалось учиться в колледже, и не в каком-нибудь, а в Оксфорде. Он получил очень солидное образование. Кроме того, у него, бывшего солдата британских войск, были заслуги перед «содружеством наций», добытые кровью на полях и пожарищах второй мировой войны.

Как же сложилась его судьба после войны?

Телефонные звонки в солидные фирмы.

— А, мистер Джонсон, . . . Оксфорд? Отлично. Мы ждем вас в пятницу с 9 до 10.

В пятницу без пяти минут девять лифт несет его вверх. Брови секретарши тоже удивленно ползут вверх: «Мистер Джонсон?..»

А потом разговор с шефом. . . Предложены американские сигареты, а растянутые в извиняющуюся улыбку губы шефа сладко льют: «Уважаемый мистер Джонсон, вы должны понять нас. Ваш богатый опыт и знания дают право на очень солидное место, но мы не можем рисковать и обострять отношения с теми работниками-англичанами, которые будут в вашем подчинении. Дать вам другое, более скромное место значит незаслуженно обидеть вас. Так что. . .»

Что это такое «так что. . .» вполне понятно. К счастью мы все же встречали в Англии значительно больше тех африканцев, для которых дело Лумумбы не умерло со смертью этого «вулкана» черного континента.

. . . Пообедав в студенческой столовой Лондонского университета, мы спустились вниз, в холл, затянуться послеобеденной сигаретой. Так как встреч с молодежью нам в Лондоне не готовили, то само собой разумеется

мы не могли не взяться за это дело самостоятельно. Здесь-то и состоялось наше знакомство с Обиома Обукве — президентом африканских студентов Лондонского университета и его друзьями. Нельзя вспомнить этой встречи без хорошей улыбки. Мы говорили с восхищением и гордостью: «Лумумба!» и слышали в ответ такое же восхищенное и гордое: «Гагарин!».

... «Лумумба — Гагарин». Это пароль, открывавший души. Радостные возгласы наполнили студенческую комнату в Ньюкасле, когда мы подарили нашим новым знакомым фотографию Юрия Алексеевича Гагарина. Вот он, Юрий Гагарин, за которого они, студенты Кингс-колледжа голосовали, выдвигая его своим студенческим президентом. Теперь он останется с ними, в их комнате на долгие годы. И, как знать, не «прошагает» ли он с ними по всему жизненному пути...

... Наше прощание с Ньюкаслем проходило снова в зале мужского студенческого клуба. Оно продолжалось несколько часов. Теперь мы уже вдоволь наговорились, достаточно много решили, немало друг в друге открыли, и многое, как мечтали раньше, скрутили в прутья, свернули эти прутья в уродцы и посмеялись над ними вдоволь...

И, конечно, еще очень и очень многого не удалось «утрясти». Но ведь любым семенам, даже семенам дружбы, необходимо время, чтобы дать всходы. А группа из Советского Союза в Ньюкасле впервые.

Мы поем — соревнуемся. Звучат русские, эстонские, белорусские песни. Каждую из них студенты встречают громовым радостным и продолжительным «А...». И руки взмыты вверх.

Мы слушаем английские песни. И теперь уже сами радостно кричим «Браво...»

А потом мы поем вместе. Поем в зале, поем у автобуса. Крепко пожимаем протянутые руки...

Нет, не зря мы оставили в студенческой комнате колледжа, на окраине Ньюкасла, портрет человека, имя которого — пароль, раскрывающий сердце.

Этот пароль пригодится на дорогах будущего, о которых мы мечтали в автобусе, мчавшем нас на север Англии.

На этих дорогах у нас будет достаточно друзей.

*

... Уже не первый час трудолюбиво пыхтя, наш автобус глотает мили обратного пути. Скоро улицы Лондона. От света фар ярко загораются бусинки, как говорят англичане «кошачьи глаза», которые делят дорогу пополам. И словно освещенные настроением добрых встреч, в памяти светятся чудесные бусинки воспоминаний, которые подтверждают силу нашего большого взаимного желания понять друг друга, жить в мире и бороться за него.

... Последние слова, произнесенные в студенческой комнате на прощание тем самым парнем в круглых очках, который старательно пытался докопаться до истины, который хотел знать правду. Вот эти слова: «Вы счастливые, вы верите в будущее».

... Мы прощаемся с Маргарет у нашей гостиницы. Мы долго гуляли по вечернему Ньюкаслу. И Маргарет говорит нам свои прощальные слова: «О, я не забуду вас. И, простите, я так боялась вас видеть. Мне казалось, что приедут такие люди, и они будут, о, пожалуйста простите, как кирпичи. Все совсем не так. Вы умные и милые, веселые и так смеетесь...»

Она смотрит на голубое пламя ирисов в ее руках — подарок от нас за доброе внимание и горячую симпатию, мягко улыбается: «И вы гораздо больше джентльмены, чем все остальные, кого я знаю...»

... По школе из класса в класс нас водит высокий седой старик. Он русский, но живет и учительствует в Англии с двадцатых годов. По-русски он говорит так, словно поет. Ему очень хочется говорить по-русски. Год назад это удавалось ему делать с тремя своими учениками, теперь тех, кто хочет научиться говорить по-русски куда больше. На прощание мы говорим старику несколько добрых слов. Он очень волнуется, он говорит:

— Я всегда верил в свою Родину, да позвольте мне действительно так ее называть. Я там родился. Теперь я вижу вас веселых и добрых, дружных и крепких. И я еще больше верю в прекрасное будущее вашей страны.

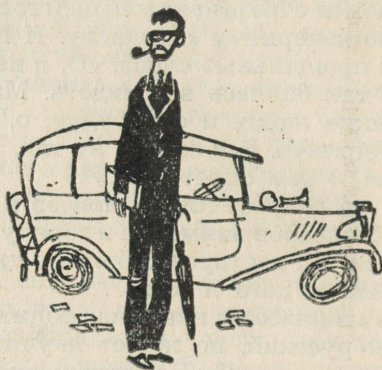
... Нас принимают мэр Ньюкасла, его супруга, шериф, представитель королевы. Они в официальных тогах, сверкают массивные цепи — символы власти.

Нас приветствуют на русском языке, нас приглашают чаще приезжать в Англию, а чтобы поездки были бы для нас, особенно поездки в Ньюкасл, наиболее удобны,

здесь будет построен новый аэродром. Это не простой аэродром. Первый камень его фундамента он, мэр, пригласил заложить Гагарина и Шепарда. И такой аэродром может служить только делу мира. Приезжайте...

Этой доброй цепи воспоминаний нет конца и края... Но вот уже приветливо улыбаются нам окна лондонских рабочих предместий...

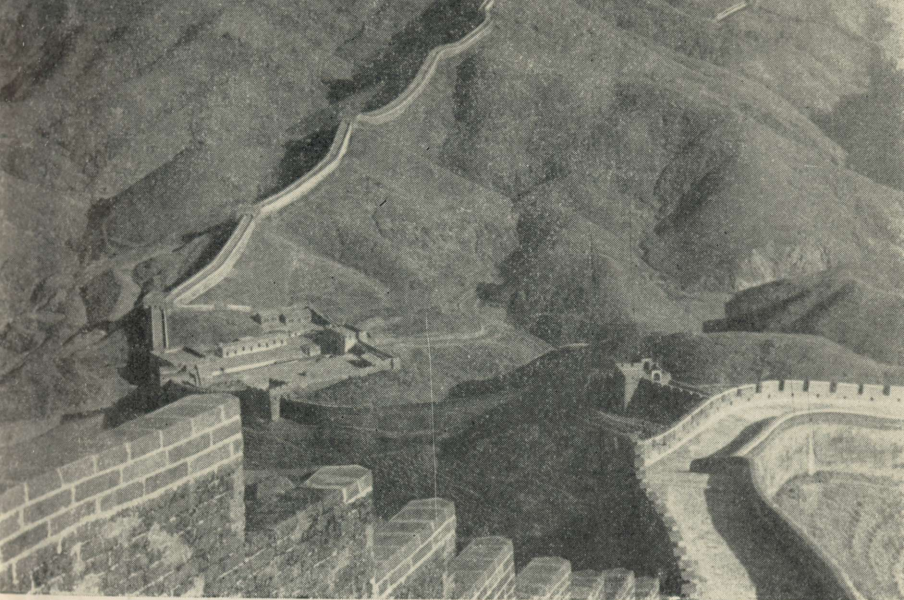
Лондон—Ньюкасл—Таллин. 1961 год.

Тысячи звеньев дружбы протянулись от сердца к сердцу. И если бы можно было соединить их вместе, я верю, не было бы на земле крепче цепи. Хорошей цепи дружбы простых людей земли.

И нет на земле такой силы, которая смогла бы порвать эту, день ото дня крепнущую, цепь дружбы народов нашей планеты.

Великая Китайская стена. Она останется на века памятником трудолюбия китайского народа, памятником его великого мастерства.

32 каменные статуи: мандарины и царедворцы, слоны и грифоны, львы и верблюды «охраняют» двухкилометровую аллею, которая ведет к усыпальницам императоров династии Мин. Сегодня эти статуи «несут» и другую нагрузку. Зачастую они оклеены разноцветными лозунгами, призывающими быстрее и лучше строить социализм в Народном Китае.

Шанхай. Зимний дождь.

Врата в «святая-святых» — императорскую усыпальницу.

Солнце встает над Жемчужной... Наступает новый день Китая.

Антверпен. Порт.

Монумент Осипа Задкина «Разрушенный город»...
Жестокая память войны...

Роттердам. Дети порта.

Рабочий день окончен.

Эльсинорский замок. Здесь по-преданию жил, страдал и погиб Гамлет.

У собора Св. Петра...

Мелководный Тибр... Течет из глубины веков...

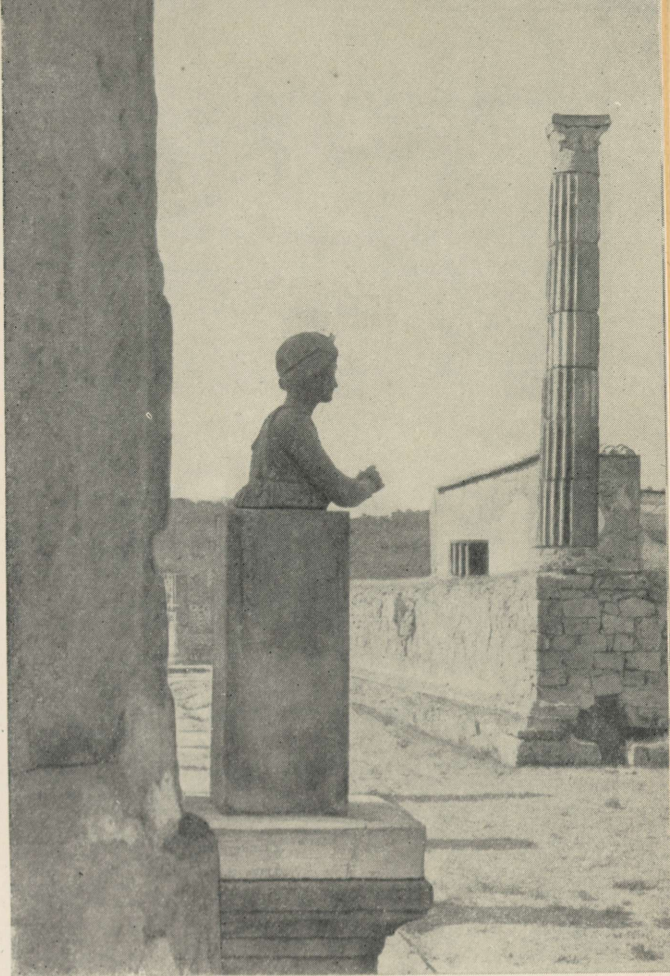
Улыбка Италии.

Устье виа Винета... Улица ночных кафе... Теперь она стала самой полноводной магистралью города.

«Жарко» на беговых дорожках. Жарко и на трибунах.

Удивительно пустынный уголок «перенаселенной» туристами Помпеи.

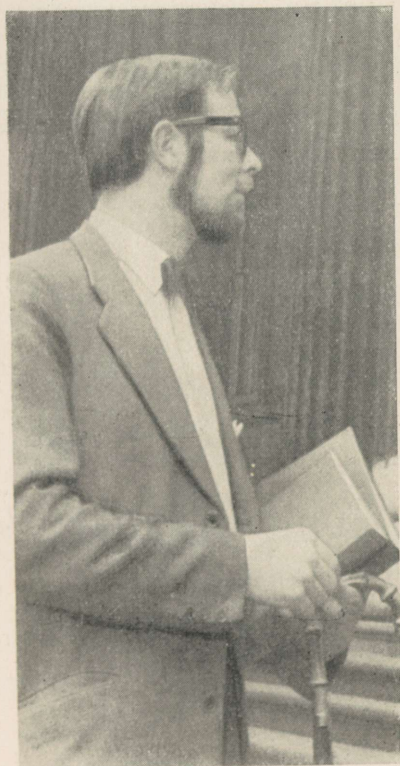

Могила Карла Маркса...

На граните высечено: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»

И рядом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Дженни Клаверинг, коммунистка.

Френк — один из лидеров студенческого Совета. Типичный лондонец.

Обиома Обукве — лидер студентов-африканцев Лондонского университета и его новые друзья из Советского Союза. Наш разговор начался с пароля. Мы говорили с гордостью:

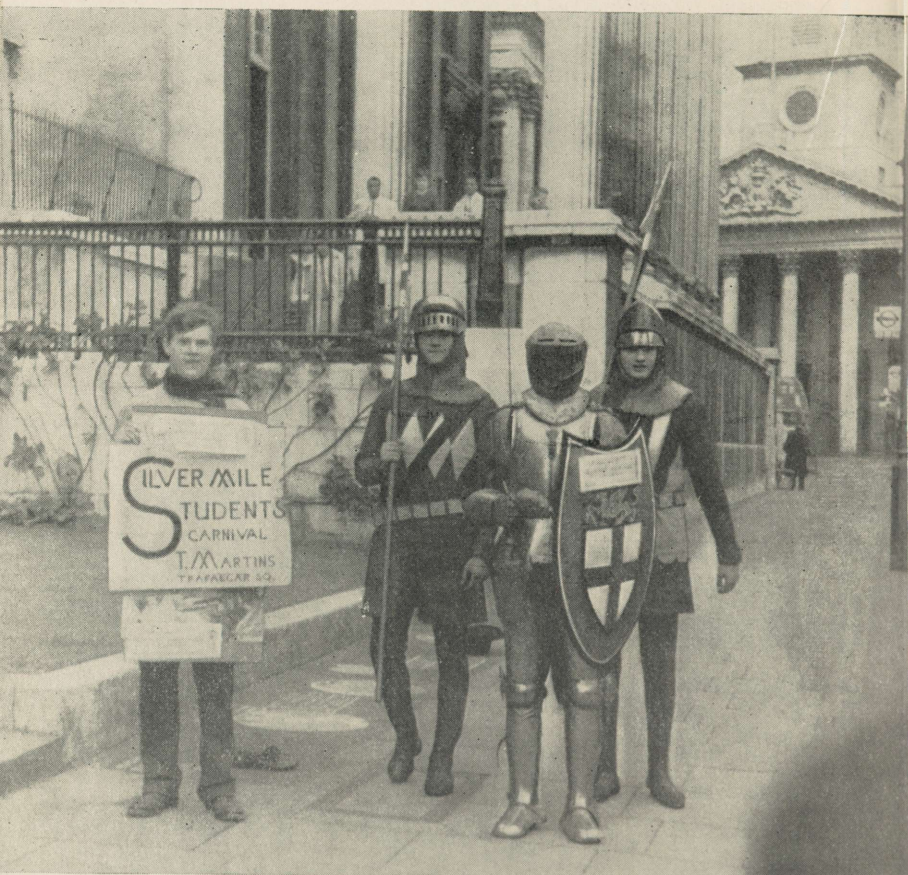
— Лумумба!

И слышали в ответ восхищенное и радостное:

— Гагарин.

Очень коротко текст плаката можно перевести хотя бы так:
— Студент! Бей колонизаторов!
Без такого плаката теперь не могут обойтись стены даже та-
кого консервативного учебного заведения, как Кингс-колледж в
Ньюкасле.

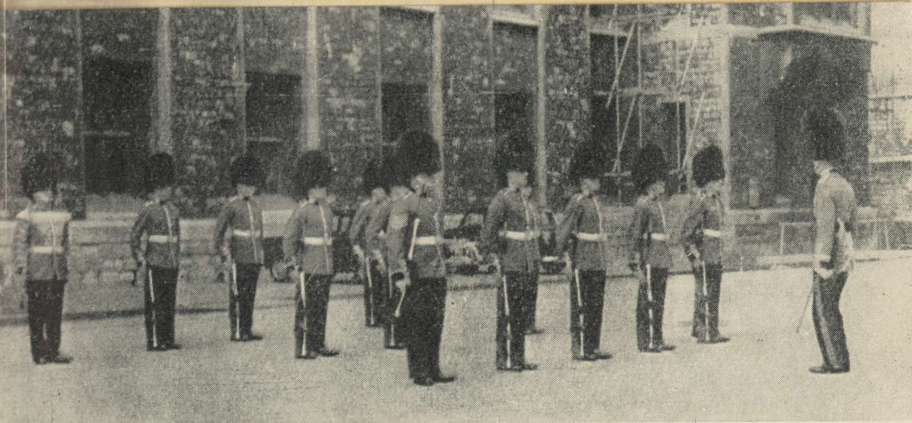
Это студенты: Они молоды и веселы... Сегодня у них карнавал...

У ступенек Национальной галереи... Незамысловатый рисунок и засаленная шляпа инвалида с медяками. Тому, кто ее оставил, уже не на что надеяться... Что будет завтра с теми веселыми ребятами студентами, которых мы встретили около тех же самых ступенек?

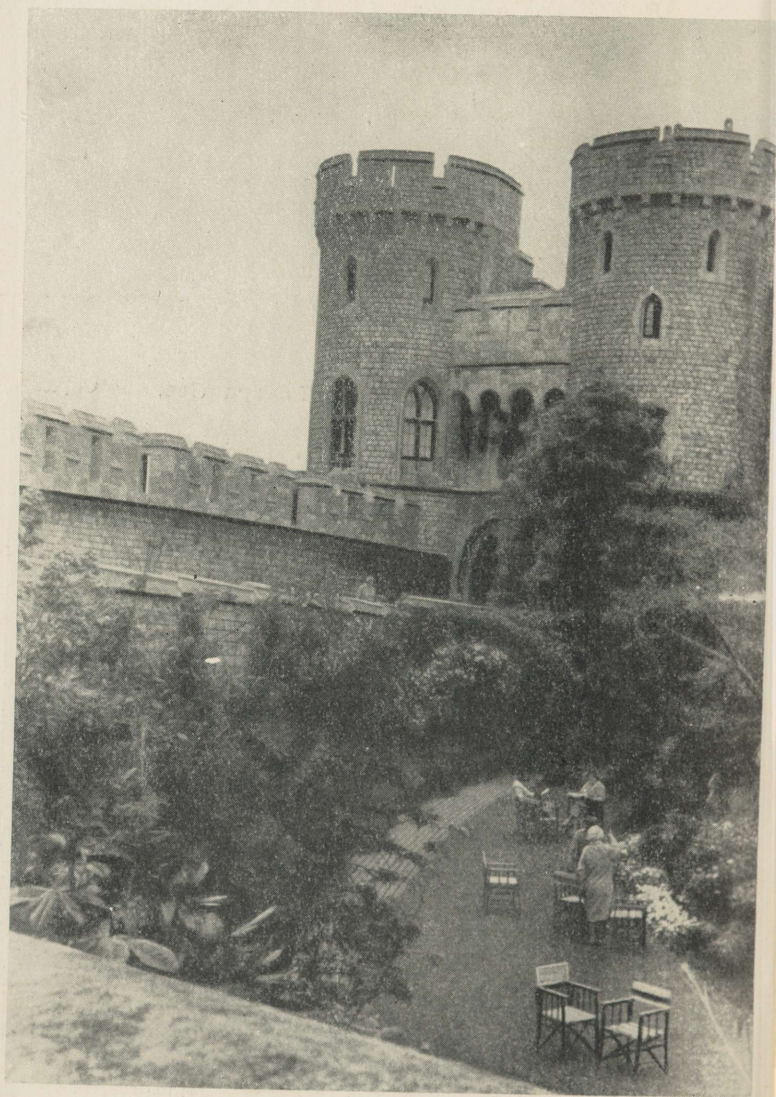
Йомен Тауэра, хранитель традиций.

«Окаменевшие» гвардейцы и...

... такой же неподвижный Ричард Львиное Сердце.

Виндзор... За несколько шиллингов вы можете посмотреть как живут короли.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Дорога к сердцу 3
2. Стальной Китай 5
«Маньхуа». — «Хей хо хей!». — Мяо Да и Лю Ху-лань. —
«Посрамление» красавицы Чан Э. — Аня. — «Четыре
зла» и пионеры. — В гости к Юйфо. — Окно в сад. —
У беломраморных колонн. — Гуань Цюань-фу. — Осво-
бождение.
3. «Эдуард Вильде» идет на запад 29
«До свидания!» — Абстракция и... жизнь. — Голубое
небо Нидерландов... — Гамлет, ковбои и красотки... —
Родина...
4. Олимпийский дневник 47
Ночь и день в Италии... — Олимпийский огонь. — Флаг
Родины. — Мечта миллионов.
5. С путевкой «спутника» по Англии 65
Четыре этажа Тауэра. — Голуби и вороны. — У камина. —
Десять фунтов. — Вы верите в жизнь, и вы джентльмены.

Куканов Адольф Алексеевич
ДОРОГА К СЕРДЦУ.
Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

Редактор К. Любченко
Художественный редактор Х. Кейго
Технический редактор Х. Вебер
Корректоры В. Пылде и В. Туй

Сдано в набор 28 XI 1961 г. Подписано
к печати 7 XII 1961. Бумага 54:84, 1/6.
Печатных листов 7. По формату 60:90
печатных листов 5,74. Учетно-издатель-
ских листов 5,20. Тираж 5 000. МВ-00242.
Заказ № 2154.

Типография «Пунане Тяхт», Таллин,
ул. Пикк, 54/58.

Цена 24 коп.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 01183496 9

Цена 24 коп.

VIII
A-10278

